

ОЛЬГА ШАХ

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ
ЗАМУЖ
НЕ ЖЕЛАЕТ

Ольга Шах

Купеческая дочь замуж не желает

«Автор»

2026

Шах О.

Купеческая дочь замуж не желает / О. Шах — «Автор», 2026

Нелепая, случайная гибель в моём мире привела меня к попаданию в другой мир. Добро бы в тело принцессы или, на худой конец, графской дочери! так нет же, попала в тело избалованной, капризной купеческой дочки в безмагический мир и без каких-либо магических плюшек для меня. Вроде бы, зато тут меня замуж выдают! За плешивого аристократа. Ну, уж нет! Замуж не пойду! Лучше уж разоренное поместье поеду поднимать. И уважение отца завоёвывать. Заодно и жениха для себя воспитаю! А насчет магии- это мы еще посмотрим! Это вы еще земных женщин не встречали! Обложка Тамара Семь

© Шах О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	40
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Купеческая дочь замуж не желает

Глава

Пролог

Купеческая дочь. Белая Долина.
Душа блуждала по мирам,
Искала счастье и надежду.
Она была не та, что прежде,
Уже не верила мечтам.
И заблудившись средь миров,
Она застряла между ними.
Греха путь выбрать иль святыни?
Как сбросить груз своих оков?
Кто знает... Может быть сейчас
Она всё там, на тех же тропах.
И в тех же мыслях и заботах.
Всё на распутье. Ищет нас.
Сеять разумное, доброе, вечное
— всё равно, что сеять пшеницу,
картофель, горох.
Выживет сильнейший.

Я припарковалась в заваленном снегом дворе, где скучковались три старенькие пятиэтажки-хрущевки. Когда—то я выросла в этом дворе, потом здесь остались жить мои родители, а я ушла во взрослый мир. Сил не было выйти из машины. Положив голову на скрещенные на руле руки, долго сидела, пытаюсь осмыслить все произошедшее со мной за последний месяц.

Всего за месяц вдребезги разлетелась вся моя, казалось бы, благополучная и почти счастливая жизнь. Месяц назад я была удачливой бизнесвумен, почти счастливой женой. Но это было месяц назад. А теперь... вот старенькая двушка—хрущевка в не самом престижном районе, машина, которая осталась от папы, сумка с моими вещами и свидетельство о разводе в моей сумочке. Удивительно, что сумочку у меня не отсудили, всё—таки Гуччи, стоит приличных денег.

Я начала смеяться, не могла остановиться, постепенно смех переходил в рыдания, я просто захлебывалась слезами, некрасиво размазывая слезы и, возможно сопли, по лицу. Весь этот кошмарный месяц я не заплакала ни разу, даже когда судья зачитывал решение о разводе и разделе имущества, я стояла с совершенно сухими глазами, прямая, как натянутая струна. И даже, кажется, все звенело во мне от напряжения, как та струна.

Наконец вырвав все, что смогла, вытерла салфеткой лицо и стала размышлять, как же все так вышло. Когда я допустила такую ошибку? Когда обалдевший от счастья невестой, только—только получившей диплом педагога математики, стояла в ЗАГСе и говорила гордо: "Да!"?

Или, в 90-е, отчаявшись от безденежья, заняв у родителей их сбережения, купила халупу с участком в ближнем пригороде и развела огород на все два гектара, на котором пахала с утра и до ночи? Изредка помогал отец, здоровье мамы вовсе не позволяло ей такие нагрузки, а папа тоже как мог, обеспечивал достаток в доме. Мой любимый муж, Костенька, не мог заниматься этим, как он сказал, непроизводительным трудом, он работал в НИИ, "двигал науку".

Это потом я узнала, что институт тот практически развалился, сотрудники приходили и просто отсиживали время. Тогда я этого не знала, беспокоилась, чтобы Костя не переживал

о куске хлеба, куда поехать отдыхать. Он так уставал в своей научной деятельности, а тут я со своим огородом, не успела приготовить ужин и не погладила свежую рубашку, а что мне делать—то особо?

Ведь, как говорила моя свекровь, Эмилия Владиславовна, ни детей, ни работы у меня нет. Работу я действительно потеряла, когда расформировали мою школу, укрупнив в соседнем микрорайоне другую. А детей нет, вначале Костя меня уговаривал подождать с детьми, потом 90-е, а потом и возраст, стало страшно родить ребенка. А Костя вначале ничего не говорил, потом стал показательно вздыхать, встречая на прогулке или в каком другом месте семьи с детьми, усугубляя мое чувство вины, что не могу дать ему желанное дитя.

Потом, когда немного наладились дела, и оказалось, что мои экологические овощи пользуются спросом, я ещё купила земли, наняла рабочих, поставили ферму с молочным стадом и даже купила небольшое стадо коз, оказалось, что козье молоко тоже востребованный товар. Организовала "Агрохолдинг Заречный", появился свой бренд. Дела пошли неплохо, долг родителям давно выплачен, куплен особняк в престижном загородном поселке, дорогая машина для Кости, мне хватало и моего маленького внедорожника Сузуки, чтобы носиться по полям. Гендиректором была я, но Костя тоже числился в совете директоров. После того, как его институт благополучно сгинул вовсе, Костя попробовал заняться бизнесом, не получилось, и под громкие причитания Эмилии Владиславовны я взяла его к себе в холдинг.

А месяц назад все внезапно кончилось. Ко мне пришел известный в городе адвокат и сообщил, что он является поверенным моего мужа. Оказалось, что Константин подал на развод и предложил мне развестись по—быстрому, и по—хорошему. Так как мне, оказывается, давно ничего не принадлежит. Дом, машины, сам холдинг мною лично переданы в собственность мужа, и управляла холдингом я только по разрешению мужа и акции тоже все на его имя переведены. Наши общие счета пусты, деньги выведены. Вот так.

Я сидела оглушенная и не могла понять, как это получилось, графологическая экспертиза подтвердила, что подписи везде мои. И только после последнего суда все выяснилось, моя секретарша Танечка давно была Косте второй женой, и они даже имели совместного ребенка.

Вот она и подсовывали мне на подпись бумаги, иной раз при тотальной нехватке времени я подписывала на ходу. И теперь осталась я с небольшим количеством тряпок, старой отцовской Тойотой и маленькой квартирой. Это отсудить не смогли. Или уж не рискнули совсем зарваться, даже продажная судья не поверила бы в такое. Ладно, сиди, не сиди, ничего не изменится. Вышла из машины, перехватила поудобнее сумку с вещами, дамскую сумку, и пошла по направлению к своему подъезду. Подойдя к крыльцу подъезда, поставила сумку на снег, начала искать ключи, наклоняясь над ней. Шума съезжающего с крыши ледяного пласта я не успела услышать, так же как и отскочить в сторону...

Глава 1

В чужое тело
Душа влетела.
Процесс надёжен,
А сбой возможен.
И даже выше
Небесной крыши.
И в чуждом теле
Мы жить умели.
Ведь кто — то тоже
Промазать может.

Мне слышался то ли какой—то комариный писк, то ли звон, он приближался, удалялся, но не замолкал. Глаза упорно не хотели открываться, писк раздражал, но и что—то мякнуть у меня не получалось. Мысли плыли вялые, как в тягучем сиропе. Вот я подхожу к крыльцу, ищу ключи... темнота, тишина.

Я упала? Лежу в больнице? И пищит следящая аппаратура? Постепенно тягучесть проходила, мысли стали более четкие. Болели ребра, вся грудная клетка. И тут начался кашель, надсадный, потрясающий все тело. Кто—то подскочил ко мне, повернул на бок и немного приподнял, облегчая приступ. Ещё подумалось к чему—то, как же легко мою тушку подняли и повернули... не сказать, что слишком я габаритная, но возрастная полнота женщины 40+ имела, да.

— Дышите, лэрина, дышите лучше!

Голосок был тонкий и звонкий, это его я и приняла за писк медтехники. Тут же подумалось: "Какая, к чертям, лэрина, где я?".

Накашлявшись от души, ещё немного полежала с закрытыми глазами. Потом все—таки решила и открыла глаза. Сиреневое небо? Что за бред! Поморгав для надёжности, ещё раз посмотрела вверх. Фух, не небо, это какая—то сиреневая тряпка над кроватью висит, с пошлыми рюшечками. Как его, балдахин, что ли? Откуда в больнице балдахин? И где тут лэрина? Что за чушь лезет в голову. Скосив глаза в сторону, попыталась сориентироваться в пространстве. Нет, на больничную палату это вовсе не похоже.

Напротив кровати стоял чудной туалетный столик, на нем толпилась уйма разных баночек и флакончиков, валялись брошенные расчёски, ленты, бусы. Возле столика стояло не менее чудное креслице, все такое хлипкое, резное, сядь — развалится. Возле постели стоял стул, на нем тазик с какой—то зеленоватой жидкостью, в которой плавала тряпка. На подоконнике стоял кувшин и стакан рядом. Какое окно, не видно с моего места.

Все выглядело старинным, как в историческом фильме. Я чокнулась—таки на фоне стресса или просто брежу? Или бредю? Всерьез задумалась над этим словом, но мои филологические раскопки прервал опять этот голос:

— Ой, лэрина Маринелла, вы глазки открыли! Побегу, лекаря позову!

Стоять, какая Маринелла, что ещё за на фиг? Мариной меня зовут. Но обладательница комариного писка уже унеслась, я толком и не рассмотрела ее.

Оставшись одна, попыталась немного подтянуться наверх, чтобы слегка приподняться на подушках. Когда мне это удалось, я уже была вся в поту и тряслась от слабости. Зато обзор был более полный. Возлежала я телом на пышной постели с кучей подушек, все отвратительно

сиреневого цвета, с другой стороны кровати в стене были ещё две двери, и напротив кровати прямо — еще одна, видимо входная. Ковер на полу, не сиреневый, а кремового цвета, разнообразия ради.

Руки сами нервно начали перебирать кромку пододеяльника, была у меня такая дурная привычка — в минуты волнения теревить что—то. Руки? Я перевела взгляд на руки. Это что за руки? Я поднесла руки чуть не к самому носу, разглядывая их и не веря глазам своим. Это были не мои руки! Узкие ладони с тонкими пальцами, нежная, холеная кожа. Где мои загорелые, поцарапанные руки с мозолями от руля, вечно забываю надевать перчатки. Здравствуй, шиза? Или что похуже? Как оказалось далее — хуже некуда.

Пока я сидела с выпученными глазами и штурмом в голове, в комнату ко мне, болезной, влетела давешняя девица, за ней этаким колобком вкатился невысокий толстенький мужичок в старинном камзоле с высоким воротником, подпирающим пухлые щеки, за ним прошествовала, вот именно прошествовала, сухопарая дама с недовольно поджатыми губами. "Стерва", машинально отметила интуиция. На всякий случай я скорчила независимый вид и решила побыть партизанской разведчицей.

— Ну, как вы себя чувствуете, лэрина? Сегодня меньше кашляете?

Это что, я ещё больше кашляла? Мне казалось, я и так сейчас кашляла до перелома ребер. Но мужичок и не ждал от меня ответа, и был до отвращения жизнерадостен и продолжал:

— А глазки открыли, это просто хорошо! Вы меня слышите?

Я неопределенно мотнула головой, пусть думает, что хочет. Мне бы понять, что происходит, так что молчи, Марина! Этот лекарь достал, какую—то трубку и приготовился послушать мне лёгкие. Прямо через одежду. Интересно, что он там услышит, кроме шелеста ткани. Пощупав мне лоб и посчитав пульс, изрёк:

— Горячка прошла, теперь ослабление организма осталось, кашель тоже пройдет, пусть зелье пьет.

Вытащил из музейного саквояжа фиал зелёного стекла этак на пол—литра объемом. И выкатился прочь таким же колобком из комнаты. Сухопарая дама, поджав ещё сильнее губы, хотя куда уж сильнее, произнесла:

— Лимка, лэрине поменяй сорочку и постель, да оботри ее. Я распоряджусь на кухне, бульон принесут.

Уже хлеб, девчонка Лимка, а мадам-с кто у нас? Я перевела взгляд с закрывшейся двери за мымрой на Лимку. Она, верно, поняла мой взгляд и затараторила:

— Ой, да ладно, лэрина Зелина всегда такая сердитая и недовольная, да вы—то, лэрина, ее не боитесь. Она вам ничего не сделает, вы ж завсегда можете папеньке на нее пожаловаться. Ой!

Девчонка внезапно осеклась и виновато взглянула на меня. Но быстро опомнилась и затрещала вновь:

— А вот ручки поднимите, я сорочку сейчас сниму, водичкой с душицей вас всю оботру, и чистую сорочку наденем, а потом в креселке посидите, я постельку сменю да взобью...

От ее треска в голове что—то начало постреливать, но я терпела, мне нужна была информация, да и в креселко мне хотелось — там зеркало было. Но вначале не худо было бы найти более укромный уголок для личных дел. И тут Лимка проявила расторопность, предложив проводить меня до удобств, даже без моей просьбы. У меня что, в глазах плакат виден с моими желаниями?

Как я шла, пытаюсь все время завалиться на худосочную Лимку — отдельная песня. Скорбная. Вернувшись в спальню и плюхнувшись кулем на постель, позволила ей снять с себя сорочку. Да, у меня не только руки тонкие, но и вся я внезапно стала весьма стройной, если не сказать, тощевой. И моя уверенная троечка вдруг превратилась если не в минус один, то близко к этому. Это что магическая диета такая?

Зря я боялась, что креслице развалится. Когда меня, обтертую и в свежем балахоне до пят, водрузили в него, креслице даже не шелохнулось. Пока Лимка пыль гоняла, размахивая простынями, я осторожно повернулась к зеркалу. Хорошо, что я сидела. И многолетняя привычка держать лицо помогла. Потому что из зеркала смотрела на меня совсем не я. Вот совсем. Девушка в зеркале поднесла руку к лицу, ощупывая его.

Я опять с недоверием посмотрела в зеркало, пошевелила пальцами. Девушка в отражении тоже. Я закрыла глаза, помотала головой, тьфу, сгинь глюк! Открыла глаза — из зеркала на меня смотрела худенькая бледная девушка лет двадцати на вид, с серыми глазами, небольшим носиком, спутанной гривой светло—русых волос. Так, панику отставила, Марина! Если не сошла с ума, то девчонка это я. Но перенос во времени исключен — я кареглазая шатенка. Думай!

И я думала, тщательно прихлебывая жиденький бульончик (не иначе мымра велела дать разведённый, как пить дать, врагинею будет!). Вывод из думок был один — как бы дико не звучало — я попала! И попала даже не всей тушкой, а только сознанием. И в голове я никого не слышала больше, верь после этого всяким книжкам про попаданок. Ещё имеется упомянутый папенька. И я сама — Маринелла. Надо как — то тонко выяснить у Лимки, что там с Маринеллой стряслось?

Глава 2

Жизнь пролетает моментально,
Но не всегда хватает силы воли.
Мы часто говорим, что все нормально,
А ночью задыхаемся от боли...

Уложенная опять в эти перины (чихать от них хотелось необыкновенно), решила устроить допрос партизана. Небось, Лимка не проходила спецподготовку, все равно проболтается.

— Лима, а я давно в горячке лежу? А то что—то в голове уже все спуталось.

— Ну, так, уж неделю, почитай, как вы воды—то в том пруду нахлебались да насилу вас откачали, так и начали кашлять да бредить. Вчера уж на ночь совсем плохо стало, лекарь-то уж и не ждал, что живой будете. И я сильно напугалась, как вы застонали ночью да дышать перестали. Уж хотела за лекарем бежать, так вы потом опять задышали, да ровнее так. А сегодня и глазки открыли.

Лимка умильно сложила ладошки перед собой.

— Лима, тебе поесть, наверное, сходить надо? Ты иди, я посплю пока, потом придёшь.

И я для достоверности зевнула и прикрыла глаза. Лимка на цыпочках двинулась к двери. А я начала осваивать полученную информацию. Прервала я Лимку вовремя, пока она сама не поняла, что наболтала.

Первый закон Штирлица ещё никогда не подводил — вовремя переключить внимание собеседника, — значит, не дать ему понять, что он выдал секрет. Второй закон — насчёт последней фразы знают все.

Итак, что мы имеем знать. Неведомая мне Маринелла с чего—то вдруг нахлебалась воды в пруду, так, что едва откачали. Что понесло девицу в пруд? Вряд ли купаться захотелось. Я, когда была водружена на креслице, мельком глянула в окно. Максимум, конец нашего марта. То есть, снега нет, но деревья голые и травы не видно. Так что купание и любование окрестностями исключены. Типа, поскользнулась на берегу и упала.

Либо девицу топили неудачно, либо скакнула сама. Второе вероятнее. Раз нахлебалась воды, плюс переохлаждение, то, скорее всего, началась пневмония. И вряд ли здесь есть антибиотики. Судя по одежде и антуражу, здесь век 18 — 19 на дворе. А что могло подвигнуть девицу того времени кинуться в пруд? Тут два варианта — либо безответная любовь, либо нежеланное замужество.

И, кстати, почему до сих пор не пришел папенька? Вроде дочь смертельно больна, тут счастливое выздоровление пошло, а любящий родитель не навестил дочурку? Что—то неладно в Датском королевстве, явно в ссоре с дочерью. А где наша маменька? Вовсе нет упоминаний о ней. Так, ну это на потом.

Ночью, видимо, был кризис у больной, и скончалась Маринелла. А попала в тело я. Выходит, в своем мире я тоже умерла? Мало радостная информация. И что мне теперь делать? Признаться с разбегу, мол, простите, люди добрые, мы сами не местные, а если здесь есть инквизиция или подобная дурь? Или папенька по—тихому придавит, чтобы не отсвечивала. Мало информации, мало. Зато неизвестных много.

Кажется, я действительно задремала, всё—таки тушка мне досталась больная, а ей необходим отдых. Когда открыла глаза, день явно перевалил на вторую половину. Лимка тихонько сидела в том «креселке», шурша каким — то рукоделием.

Голова не болела, а грудная клетка и пресс ощутимо побаливали. Но это всегда так бывает, когда кашляешь от души. Я осторожно покашляла. На сей раз дело пошло лучше,

кашель смягчился, и отхаркивалось хорошо. Лимка подскочила, поддержала за плечи, потом сунула в руки стаканчик с зельем. Выпила, ничего особо страшного, настойка на травах. Терпимо.

— Лэрина Маринелла, бульону будете, принести?

— Принеси, и к этой бульоне ещё чего—нибудь...

Не могла же я сказать, принести хлеба, вдруг здесь хлеб как—то по—другому называется.

— Ага, я ещё лепёшек принесу свежих, их недавно тетка Малка испекла. Вкусныеее...

И подмигнув мне, Лимка, взмахнула длинным подолом, умчалась за бульоной.

То ли лэрина Зелина недосмотрела, то ли Лимка украдкой налила мне сама пресловутой "бульоны", но только был он наваристым, горячим, и в нем ещё плавали кусочки каких—то овощей. Я их не идентифицировала, но было вкусно. А уж вприкуску со свежей, пышной лепёшкой вообще амброзия. В общем, слопала я и бульон и лепешку, вторую лепешку честно отдала Лимке.

Не она, так голодовать бы мне ещё на водичке, А этому телу и так худеть уже некуда. Лимка умилялась моему аппетиту, как мать над капризным малышом. Откусывая от лепешки, она продолжала тараторить:

— Ой, вот и правильно, лэрина Маринелла, правильно, кушать надо хорошо, а то вы после своих академиев стали есть по одной ложке, да траву всякую жевать. А девица должна быть справной, (угу, как корова!), кто ж худую то замуж возьмёт! Она ж и не родит вовсе дитё. Это вы все в своих академиях понабрались от благородных. А вы же из купеческой фамилии будете, все в купцах солидные, в теле. Но тетка Малка говорит, что маменька ваша тоже худющая была, вот и померла, как вас родила, а вы кушайте, кушайте, хотите, я ещё взвару из ягод принесу?

Прокашлявшись, я просипела:

— Неси!

Пока Лимка опять пошла в набег на кухню, я откинулась на подушки, обдумывая новые элементы пазла. Вот и причина отсутствия матери — нет ее, умерла. Ещё выяснилось, я из купчих. Про какие академии Лимка трещала, да что с благородными там общалась... Магические, что первое приходит на ум из книжек про попаданок, так про магию никто ничего не упоминал, и лекарь меня пытался стандартно прослушать, никаких пассов руками не делал и глазами волшебным образом не зыркал. И лекарство обычное.

Что там у нас ещё может быть? Академия благородных девиц? Так из купцов мы. Может, папенька весьма богат и сумел пропихнуть дочурку? Значит, папенька у нас с амбициями. Воистину, болтун — находка для шпиона. Лимка так мне всё и расскажет. Сейчас с взваром явится, ещё попытаю.

Взвар был душистый, с отчётливым вкусом ягод, слегка кисленький, самое оно. Попивая взвар и предложив и Лимке стаканчик, продолжала добывать информацию.

— Лима, а я что—то забыла, ты сама, откуда родом?

— Так вы и не спрашивали, лэрина Маринелла. Это ещё по зиме, как папенька ваш поместье купил у нашего барона, когда старый барон помер, а сын все продал. Вот он и привез меня оттуда к вам в услужение, что бы все как у благородных было. Только вы все сердились, не нравилось, как я говорю — печально закончила девчонка.

— Да ладно, Лимка, не огорчайся, на самом деле я рада, что ты со мной. Помогаете вот.

Девица, видно, с большими претензиями была и с капризами. Как можно сердиться на бесхитростную девчонку, она же искренне переживает за свою глупую хозяйку. Раз она моя служанка, значит, пусть будет при мне, не дам обижать ее. А эта Зелина, похоже, гнобит девчушку, боится она ее.

— Лима, а ты где спишь?

— Так внизу тамочки, со всеми девками. А теперь вот с вами, пока вы хвораете, так я в креселке и сижу.

Твою мать! Что же они девчонке хоть матрасик или кушетку не дали какую!

— Лима, позови ко мне лэрину Зелину. Скажи, видеть ее хочу!

Зелина появилась не сразу, минут двадцать спустя, уже и Лимка прибежала назад, и подушки мне взбила, и полусесть мне помогла. Зелина зашла с видом вдовствующей императрицы, поджав скорбно губы, как будто делая мне одолжение. Ха, нашла, кого пугать таким видом! Да мне после моей бывшей директрисы школы, взвод таких Зелин не страшен.

— Лэрина Зелина, распорядитесь, чтобы здесь в углу поставили кушетку и матрас с подушкой принесли. Я нуждаюсь в уходе, и моя служанка будет спать у меня. Рядом. Выполните это сейчас. Я вас не задерживаю.

Судя по тому, как у мымры задёргался глаз, такого она не ожидала. Но и противиться моему приказу она не могла. Даже если моя альтер эго и была в ссоре с отцом, то мое положение в доме никто не отменял. Сделав ещё скорбнее вид и поджав губы до совсем уж тончайшей линии, мымра удалилась. Не сразу, но через полчаса два дюжих мужика принесли небольшую кушетку и матрас с подушкой. Лимка все это время просидела в уголке, боясь даже дышать вслух.

Когда мужики ушли, я сказала девчонке:

— Чего сидим? Быстро тащи свои пожитки и белье постельное, да возьми тряпку с ведром и вымой эту кушетку, пыльная вон она. А мне нельзя дышать пылью. Давай шевелись!

Лимка, счастливая, боясь, что я передумаю или просто зло пошутила, умчалась за всем необходимым. Все, теперь источник информации у меня круглосуточно обеспечен.

После обустройства Лимки на новом месте, она сводила меня в ванную комнату для данных процедур, на сей раз, помывка была, чуть посерьезней — меня водрузили на табуреточку посреди ванны и поливали из теплого душа. Удалось даже вымыть волосы, а то на голове было воронье гнездо в натуральном виде. Теперь стоит сложная задача по расчесыванию этого гнезда.

Обратно до кровати я шла уже более уверенно, даже почти не заваливаясь на Лимку. Поужинала я все той же, "бульоной" с лепешками, но Лимка уверяла, что на завтрак она договорилась с тёткой Малкой (так понимаю, это повар в этом доме) на молочную кашу.

Ладно, будем лежать и мечтать о вкусном завтраке. Под бодрое бурчание живота мечта-лось как—то не очень мечтательно, поэтому решила ещё раз заняться сбором разведданных.

— Лима, а папенька до сих пор на меня сердится? Он даже не пришел сегодня ко мне.

Со стороны Лимкиной кушетки слышалось шебуршание, потом она села на постели, обхватив ноги тощими руками.

— Наверное, сердится, лэрина Маринелла. Вы же тогда сильно ругались в кабинете у папеньки. И вы кричали, что лучше на дно, чем за плешивого замуж, а папенька кричал, что пока вы не самостоятельны, он сам будет распоряжаться. Вы потом выскочили из кабинета и в чем были, побежали в сад. Ну, а потом... — девчонка горестно вздохнула.

Да, похоже, ссора была нешуточная, раз все слышали. И я права — девица сама нырнула в пруд. Значит, замуж за плешивого? Да и черт бы с плешью, человек бы был хороший, а плешь я легко самому волосатому организую. Но беда в том, что замуж я не хотела. Категорически. Ни за плешивого, ни за лохматого.

Была я в том замуже, как выяснилось, ничего интересного там нет. А вот слова про "пока не самостоятельная", меня крайне заинтересовали. И в каком возрасте эта самостоятельность получается? Надеюсь, не ближе к пенсионному? Надо бы поточнее узнать. Надо полагать, Лимка не знакома с местным законодательством подробно, да и спрашивать про общеизвестные, наверное, сведения как—то не слишком хорошая мысль. Значит, надо самой с законами знакомиться.

Должна же быть в доме какая—то библиотека, раз папенька у нас с амбициями, то для подражания благородным обязательно завел библиотеку. Завтра скажу Лимке, чтобы проводила в библиотеку. Мне пока сопровождение положено, вот и буду пользоваться этим.

Глава 3

Умный человек даже чеснок давит интеллектом.

Утром действительно Лимка принесла кашу. Каша молочная, в меру сладкая, в меру соленая, с кусочком тающего жёлтого масла посередине горки каши — как же это было вкусно! Да ещё травяной чай с булкой.

За этим занятием и застал меня лекарь, бесцеремонно зайдя ко мне в комнату, когда я пила чай. Увидев меня, сидящую самостоятельно, без опоры, и активно жующую булку, лекарь был впечатлён:

— Лэрина, вы так быстро начали вставать! Вам бы ещё полежать немного. Как ваш кашель?

— Благодарю, кашель ещё есть, но уже намного меньше. Все благодаря вашему чудодейственному зелью! — патетически воскликнула я, лишь бы он отвязался.

Но лекарь вдруг проникся важностью своего долга, опять послушал, хорошо ли шуршит моя сорочка, важно покивал и изрёк:

— Продолжайте пить зелье, сегодня к бульону можно добавить сухарик.

Ну, сейчас! Я котлету хочу! Наконец лекарь отбыл, а мы с Лимой переглянулись заговорщически и засмеялись.

— Лэрина Маринелла, а тетка Малка суп куриный варит, хотите, я ещё кусок курицы у нее возьму вареной?

— Спрашиваешь! Конечно, хочу, но давай на обед. Вот сейчас чай допью и поможешь дойти мне до библиотеки. Книжку хочу взять себе почитать.

Лимка, счастливая, что с ней общаются и не ругают, тут же подскочила и затараторила:

— Да я мигом, вот тарелочки снесу, халатик тёплый наденем да шалку на плечи накинём и пойдем.

И унеслась вихрем с подносом. Как она так носится и не роняет ничего? А я осталась ждать халатика и той "шалки".

На деле халат оказался чем—то вроде плюшевого шлафрока, в который нынешнюю меня завернуть можно было не два раза, а как минимум, четыре. И теперь главной целью стало не растянуться всем телом, наступив на длиннющий подол. А шалка оказалась банальной шалью, в которую укутала меня заботливая Лимка по самые ноздри.

Воистину, я начала себя чувствовать советским детсадовцем на прогулке зимой. До библиотеки мы добрались, всё—таки пошатываясь, зато без травм. Устала, как Мухтар в погоне за преступником. Усевшись в уже нормальное кресло, я отправила Лимку в комнаты.

— Лима, ты иди, пока проветри, постели перестели, потом за мной придёшь, хорошо?

Лимка «агакнула» и опять умчалась. А я собралась с силами и потихоньку, держась за шкафы, двинулась искать нужное. Нашла не сразу, но по ходу набрала кучу необходимой литературы — география, история, экономика. В последнем шкафу нашлось несколько юридических книг. Три солидных, парочка тоненьких книжонок, в таких обычно печатают пояснения, дополнения, и прочее к основным законам.

Лимка прибежала минут через сорок, когда я уже раздумывала, не двинуть ли мне своим ходом, ибо в библиотеке было весьма прохладно, и даже шалка уже не очень грела. Увидев эту кучу книг, девчонка удивилась.

— Лэрина Маринелла, и вы все это прочитаете? Вы ж последний раз кидали книжки в стенку, сильно серчали на что—то.

— Прочитаю, Лима, обязательно, не буду больше в стенку кидать.

Куда же я денусь, жить захочешь, не так раскорячишься. (С) Пару книг Лимка сунула себе под мышку, остальные я сгрузила себе за пазуху, затянув на этом шлафроке пояс потуже, чтобы книги не вылетели. И мы медленно и печально двинулись в обратный путь.

Где—то в конце коридора мелькнула и остановилась, наблюдая за нашей процессией, мымра, но не рискнула открыть рот. Видно, вчера мое показательное выступление произвело впечатление. Да и леший с тобой, золотая рыбка, нам бы добрести без членовредительства до постельки и упасть. Силы я, однако, свои переоценила.

Глава 4

Большая жизнь всему научит
Подарит все и отберет!
И человек взамен получит
Лишь то, что сам он унесет!

Так прошло несколько дней — я потихоньку выздоравливала, слабость уменьшилась, по комнате ходила без опоры на Лимку. Один раз приходил лекарь, делал умные глаза, выслушивал мою сорочку и рекомендовал лежать, сил набираться и соблюдать диету. Более диких советов я ещё не слышала, если лежишь, с чего сил наберёшься? Ещё больше раскиснешь. И про диету смешно. Какая диета, у девицы и так фигура в минусе, после тяжёлой болезни наоборот ей (фигуре) нужны калорийные блюда.

Так что Лимка продолжала носить с кухни партизанскими тропами мне разнообразные вкусности от тетки Малки, я изучала экспроприированную из библиотеки литературу. В перерывах шаталась (в прямом смысле) по дому.

Верная Лимка бродила со мной. Надо же познакомиться с топографией родного дома. Папеньку не встретила ни разу — то ли, в самом деле, отсутствовал в доме, то ли не желал видеть капризную дочь. Несколько раз встречали во время своих турне мымру, она, пересилив себя, здоровались со мной, но особой радости по поводу улучшения моего здоровья явно не испытывала.

При изучении литературы я узнала, что теперь живу в мире Димерии, королевство Лакмор. Власть — абсолютная монархия, классовость имеется — аристократия, средний класс — купцы, промышленники. Аристократы считают низким лично самим заниматься каким—либо конкретным делом — торговлей, производством. Браки все классы стараются заключать среди своих, не без прецедентов, конечно. Есть третий класс — рабочих и крестьян.

Крепостничества, слава Богу, нет, но имеются поместные крестьяне — приписанные к поместьям. Но не навечно, то есть право покинуть, то или иное поместье у них имеется.

Лакмор находится на большом срединном материке, в северо—западной части, с выходом к большому океану, кроме него есть ещё несколько государств. Кроме срединного, имелся ещё северный материк, тоже обитаемый. Климат в этом мире был разнообразен. От достаточно холодного на северном, до умеренного на срединном. Жаркого на южном побережье срединного материка. Пустынь вроде бы не описывалось.

Раса одна — люди, но народы разные, так же как и языки и традиции. Религия не воинствующая, но определенное влияние в мире имела. Многобожие, одинаково во всех странах, с небольшими вариациями у северян и южан. Про магию не упоминается. Или её нет, или очень тщательно шифруют.

В Лакморе патриархат, но кое—какие права у женщин есть, им не запрещается работать, получать образование, но все равно главенствующее положение имеют мужчины. Последние войны королевство вело более ста лет назад, но армия имеется. Средняя продолжительность жизни — 100 — 120 лет. Уже неплохо.

Экономику я штудировала тщательно, надеюсь, мне это пригодится, пока освоила только половину. Законотворчество тоже представляло собой дебри, но я упорно понемногу пробиралась сквозь них. Наконец нашла упоминание о самостоятельности. И было оно, конечно, в приложении, в тонкой брошюре. Смысл был в чем — девушка до замужества должна оставаться под опекой отца, семьи.

Но! Я имела право по достижении двадцати лет подать прошение о самостоятельном проживании, обеспечивая себя достойным трудом и через два—три года подтвердить свою

успешность. Тогда я имела право продолжать жить самостоятельно, никто не мог забрать у меня мое имущество и выдать замуж. Во как! А сколько же мне лет? Как бы поосторожней уточнить этот вопрос?

— Лима, а ты не помнишь, мы уже успели до болезни отметить мой день рождения?

— Так, лэрина Маринелла, готовились как раз, а тут такое случилось, теперь и не знаю, будут ли гостей приглашать, ведь праздник через неделю будет, как—никак, двадцать лет вам исполнится, а вы вот болеете, наверное, потом как—нибудь, как оздоровите.

Бинго! Через неделю этому тельцу двадцать лет! Ну, неделю—то я ещё поприкидываюсь дохлой лебедью, чтобы не вздумали праздновать. А потом пойду к папеньке объявлять свое решение. Вариант с плешивым замужеством мне не подходит. Совсем. Буду самостоятельной. Один раз сумела выжить и подняться, сумею и ещё раз.

Сегодня почти весь день читала, немного пошатались по дому, попали в гостиную, или как ее Лимка назвала, "залу". На стене, с обеих сторон от камина, висели два портрета.

Мужчина, довольно молодой, плотной комплекции, с небольшой темной бородой стоял у письменного стола, положив руку за борт полы богато расшитого камзола. Ещё бы треуголку, и чистый Бонапарт! Так полагаю, это и есть тот самый папенька.

На втором портрете была изображена молодая, худенькая женщина с задумчивыми глазами, сидевшая в кресле и державшая на руках маленького ребенка непонятного пока пола, дитю было около года. Женщина была очень похожа на ту девушку, что я теперь вижу в зеркале каждый день.

Значит, это мать Маринеллы. Как—то не слишком она походит на почтенную купчиху. Мои сомнения тут же подтвердила и Лимка.

— А правду тетка Малка говорила, что маменька ваша из благородных была. Нешто купчихи такие бывают? Они же справные, в теле.

Не хотелось мне ничего говорить, хоть это и мать Маринеллы, но почему—то все равно задели слова Лимки.

— Замолчи, Лимка! Пойдем в мою комнату!

Я была несколько резка, но потом, остыв, поняла, что напрасно обидела девчонку. Это пока все ещё идёт борьба в моей голове между реальностью и неверием в нее. Лимка не виновата. Надо как—то примириться с ней.

— Лим, ты говорила, что на кухне сегодня булочки пекут? Может, сходишь, принесешь нам чаю да булочек с медом у тетки Малки возьмешь? Чаю попьем.

Лимка, простая душа, охотно сорвалась привычным маршрутом на кухню. Пока Лимка бегала, я стояла у окна, разглядывая вид за окном. А за окном был сад с голыми ещё деревьями, виднелись пустые пока клумбы, немного сбоку виднелся край пруда, поблескивавшего свинцово—серой водой. Солнце было скрыто за плотным слоем облаков, так что было и не угадать, какого оно цвета. Хотя, судя по окружающему миру, оно должно быть нашего земного типа. Каких—то необычных расцветок ни в людях, ни в окружающем меня месте я не заметила. Хотелось выйти на улицу, но пока я побаивалась, сил ещё было маловато.

Вскоре принеслась и Лимка с подносом. Она уже привыкла, что я всегда усаживаю ее перекусить со мною вместе, и уже не отнекивалась смущенно. Тем более, мымра Зелина больше ко мне не заглядывала, что, впрочем, не вызывало у меня ни малейшей печали.

— Лима, ты вроде говорила, что ты из какого—то поместья? Расскажи, где это, как вы там живёте?

Не так мне это и было интересно, но надо же чем—то мозги занять, читать устала, пусть Лимка потрещит, ей в радость.

— Ага, лэрина Маринелла, я ж из Белой долины, это поместье так называется, далеко отсюда — страсть! Я с вашим батюшкой цельных два дня ехала. Мамка моя говорила, что при старом бароне поместье было богатым, а потом барон умер, а сын его не сильно—то хотел в

поместье жить, да и не умел ничего по хозяйству—то. Старый барон целый день по двору да по полям ездил, все сам проверял. А молодой барон управляющего поставил, а тот скрадывал много, а потом и вовсе сбежал с деньгами хозяйскими. Искал его молодой хозяин, да где ж его найдешь, так и сбежал. А тут налоги королевские платить надо, а денег нет. Вот и обнищало поместье. А уж недавно ваш папенька и купил его. Ну и меня к вам меня приставил.

— И ты все это откуда знаешь?

— Так мамка говорила, она в поместье в доме над служанками главной была.

— А отец у тебя?

— Так он у барона конюшной заведовал.

— И что, умерли родители?

— Да Боги с вами, лэрина, пошто померли? Там они, в поместье.

— Скучаешь по дому?

— В городе, конечно, интересно. Богато, тут ярмарки, почитай, каждую неделю есть. Но дома хорошо. У нас теплее, чем тут, скоро трава покажется, сады цвести будут, поля сеять будут, мамка там.

— Лим, а чем поместье занимается, ну что там делают, с чего живут?

— Ой, так там все есть. И поля сажают, и зерно, и овощи всякие, сад раньше большой был, я маленькая ходила туда с ребятами другими, мы падалицу собирали, потом сушили, зимой так вкусно, мамка взвару наварит с яблок разных да груш или слив, мы из него все — все кусочки вытащим и съедем. Только захирел наш сад. Ещё раньше коров много держали, а сейчас мало совсем осталось.

Ещё мед гнали, пасека с медогонкой есть, да только старый пасечник помер, а сыновей у него не было, а дочка замуж в другое село ушла. А, река у нас ещё есть, мужики там рыбу ловят, здоровая рыба такая, потом ее солят и тоже в город продают.

Лимка от своего рассказа загрустила. Странно, поместье должно быть прибыльным, что же его так запустили? А папенька что, купил, и все? Тоже не хочет вкладывать деньги в него?

Какие—то мысли, ещё не определившиеся, бродили в голове. Я вспомнила свой холдинг, как начинала с грядок у халупы и с одной коровы. Как не умела ни доить, ни огородничать, как плакала тихонько первое время, когда болели руки от лопнувших мозолей. И какая гордость охватила меня, когда стало получаться, когда пошла первая прибыль. Сумела бы я в этом мире справиться с подобной задачей? Что бы я делала в первую очередь?

Пока эти мысли тихо бродили в моей голове, я задремала. И приснился мне сон. Станный был сон, было в нем что—то от Тургенева и от "Унесённых ветром" — стоящий среди зелёного лужайки дом с белыми колоннами, широкой открытой верандой вокруг первого этажа, крыльцо, на котором стоит девушка в светлом платье, в лёгкой шляпке с лентами. А с подъездной аллеи к ней быстро идёт Он. Его лица я не вижу, но знаю, что девушка очень его ждёт, и ей так хорошо...

Проснулась я резко и ещё какое—то время лежала под впечатлением. Как будто посмотрела исторический фильм, но почему—то осталось ощущение реальности увиденного. Шум за окном окончательно прогнал остатки сна. Я встала с постели и подошла к окну. У крыльца стояла дорожная карета, из нее как раз вышел тот самый мужчина, что был на портрете. Папенька приехали.

Глава 5

Мы взглядом душу не охватим,
И высказать не хватит слов.
Те чувства, что впустую тратим,
Мы пленники своих оков.

С самого утра я ожидала вызова к папеньке, но его все не было. Наверное, хотел показать, что сердит на меня. Ну и ладушки, займу себя чем—нибудь полезным. Вчерашний разговор с Лимкой принес понимание, что в местном сельском хозяйстве и переработке сельхозпродукции я пока не понимаю, информация нужна. Пойду, прогуляюсь до библиотеки, может, там что найду.

Ещё один надёжный источник информации, кроме книг — это базар. Там все можно увидеть своими глазами — и ассортимент, и спрос, и сбыт, и ценообразование. То есть курс маркетинга в прикладном исполнении.

До библиотеки добралась благополучно, отдохнула от забега на спринтерскую дистанцию и двинулась в дальний угол библиотеки, там видела нечто на подобную тему. Пока вытаскивала несколько книг, ухитрилась, раззява, уронить одну, да так неудачно, что она наполовину влетела под шкаф, и достать ее можно было, только отодвинув угол шкафа в сторону. Пока я всем своим худосочным тельцем висела на этом шкафу, пытаюсь сдвинуть его чуть в сторону, книжка как—то выдвинулась сама из—под шкафа, и он, освободившись от помехи, плавно сдвинулся в сторону. Ну и я с ним, за компанию. А за шкафом оказалась дверь, которая теперь чуть приоткрылась, и оттуда слышались голоса.

Думаете, я стыдливо закрыла уши ладонями и ушла? Ну как же, три раза! Никуда я не ушла, наоборот, принялась весьма интенсивно подслушивать, даже чуть пошире приоткрыв дверь, надеясь, что она не заскрипит. Мне необходима информация, и я ее добуду.

Голоса были мужскими, разговаривали двое. По всем признакам, там находился кабинет хозяина дома, в своей новой ипостаси я ещё там не бывала, поэтому могу предположить, что разговаривает хозяин кабинета, то есть папенька, и какое—то доверенное лицо. Разговор начался, видимо, давно, и теперь я пыталась понять, что там и к чему.

— Ну, и что ты теперь делать будешь, Нессир? Оставишь планы без изменений?

— Понимаешь, мне этот брак Маринеллы крайне необходим! Я по—прежнему хочу свою флотилию иметь! И ни один корабль не должен ходить пустым. А эти снобы не хотят дела иметь с простым купцом! Связи нужны! С аристократами. Рассчитывал, выдам замуж дочь за одного из них, смогу продвинуться на рынке заморских товаров дальше, чем сейчас — просто перекупщик. А тут Маринелла взбрыкнула! Что ее так укусило — не представляю! И ведь проверял я — нет у нее никакого тайного жениха, просто — не хочу такого, и все!

— Да, хорошо ещё, дальше домашних не ушло то, что она сама в воду прыгнула, а то какие бы слухи пошли. Век бы девку замуж не выдали бы. Да и возраст у нее подошёл, замуж пора выдавать.

— Позавчера двадцать лет исполнилось. Хотели гостей позвать, а теперь вот, болеет она. И я пока видеть не хочу, сержусь.

— Ну, ничего страшного, посердитесь, друг на друга, да отойдете. Сильно уж ты ее баловал, вон, в Академию благородных отправил.

— Очень уж Маринелла мне жену мою покойную, лэру Танию напоминает. Так и не женился я после, казалось, как гляну на дочь, Тания моя бежит ко мне по коридору. Она ведь была из аристократов, только родня отказалась от нее, когда она за меня замуж вышла. Нам вместе было очень хорошо, только недолго.

— А про завешание матери расскажешь Маринелле?

— Расскажу, конечно, эти деньги Тания дочери оставила, пусть ей и будут. Она хотела, чтобы ей их отдали на двадцатилетие, я так и хотел. А сейчас погожу, нечего капризы показывать. Она про них не знает, и ладно. Да и сумма там не слишком велика по моим прикидкам. У меня других наследников нет, и так ей все достанется. Дом, деньги, а корабли все—таки племяннику оставлю, зачем они девке? Ей и так хватит, не только на свою жизнь, но и внукам.

Тут кто—то ещё зашёл в кабинет и речь пошла совсем о другом. А я потихоньку двинулась к выходу со стопкой книг в руках. Информация была крайне интересной, необходимо было тщательно проанализировать со всех сторон. Как у Штирлица — информация к размышлению. Пойду думать.

Думала я интенсивно, обложившись книгами, несколькими листами бумаги, каким—то аналогом нашей перьевой ручки и яростно грызя бублики или баранки, которые вместе с чаем доставила из кухни Лимка.

Итак, что мы имеем с гуся? Тьфу, в плюсе. А имеем, здоровое, молодое тело избалованной балбески, но с моими математическими мозгами. В одном я с ней солидарна — замуж не хочу! Но сделать это надо по—иному, нежели в пруд с головой. Есть возможность потребовать самостоятельность. К тому же, как выяснилось, что деньги у меня хоть какие—то имеются, что огромный плюс, уже не одни панталоны в узелке.

Теперь надо решить, чем мне заняться, чтобы не пойти по миру и чтобы меня папеньке не вручили обратно. Открывать кондитерскую, как любая уважающая себя попаданка или пекарню? Так мои кулинарные умения не более чем умения обычной домохозяйки, никакого «ах! и супер!» и в помине нет. Мыло варить? И такого таланта не наблюдается. Нет, я не совсем безнадежна. Все умею — готовить, стирать, убирать, вязать, немного шить. Но все на уровне среднестатистической российской женщины. Вот, что я умею, так заниматься сельским хозяйством. И не только руководить, но и самой руками работать. И что, мне хутор где—то купить? Да, ситуация.

Спустя три бублика и чашки чая пришло озарение — а зачем мне хутор? Когда у папеньки есть совершенно роскошно разоренное поместье, с которым он не знает, что делать? Можно или выкупить, если денег хватит, или, надавив на совесть отца—благодетеля, попробовать взять его, поместье, в аренду. И это самый лучший вариант из ныне имеющихся. Значит, составляю план.

Самое первое, надо записать все о поместье, что мне Лимка рассказала. Если что, уточнить у нее же. Срочно изучить рынок сельхозпродукции с объемами, спросом, предложением и ценами — книги, газеты, журналы. Поход с Лимкой на местный базар. Сразу присмотреть, что и где закупить можно для поместья. Лимка говорит, что дом целый, только немного обветшал без ремонта. Пока главное — крыша над головой есть. Ехать до него не так и далеко, всего два дня, это Лимке показалось даль далёкая, так она ранее нигде не была. Отвоюю поместье, сразу буду знать, что срочно закупить надо будет для посевной и для поместья, и крестьян. Вот, пасечника надо сразу искать, раз там другого нет.

Значит, надо выиграть время для подготовки разговора с отцом, изучения всей необходимой информации. Буду болеть. Пока посижу в своей комнате, почитаю, затем партизанскими тропами с Лимкой схожу на рынок с разведывательными целями.

Когда от чтения уже заболела голова и глаза, я опять пристала с расспросами к Лимке.

— Лима, ты говорила, что раньше у вас много полей засеивали, а сейчас мало. А почему? Народу стало меньше? Или урожаи упали?

— Ой, лэрина, дак все сразу — мужики, кто подался в город, кто рыбалить стал, да и земля худо стала родить, и семена молодой барон не обновлял давно. Вот и не шибко урожаи стали хорошие. Так папенька мой говорил, я сама—то не шибко знаю, мала ещё.

Ага, значит комплекс проблем. Значит, семена надо сменить, это правильно. А что с плодородием? Удобрения не вносили? Хотя, какие здесь удобрения, агрохимии наверняка нет ещё.

— Лима, а навоз из коровника на поля возят, не знаешь?

Лимка удивилась:

— А зачем это? Он же воняет шибко, и земля будет вонять.

Ясно, про органику тоже не знают. Значит, надо купить семена зерновых.

— Лим, а овощи у вас как сажают, на полях?

— Ага, лэрина Маринелла, раньше садили, а как помер старый барон, так и не стали. В деревнях каждый сам себе садит и все.

Так, семена овощей тоже вырисовываются. Вообще, надо бы мне на кухню нашу навещать, познакомиться с тёткой Малкой, посмотреть из чего она готовит, где берет продукты. Как бы не перепугать народ, что—то мне подсказывает, что вряд ли бывшая Маринелла появилась на кухне.

— Лима, а какой скот у вас там держат в Белой долине?

— Ну, так как везде, коровы есть, лошади, куры, гуси. Маленько баранов есть.

— А козы есть?

— Не, мамка говорила, шибко пакостные они.

— Хорошо, Лима, а чем женщины у вас занимаются? Ну, кроме как по дому? Шьют, вышивают, вяжут красиво? Или ещё что? А рыбу у вас только солят, или и коптят ещё?

— Ой, ну вы, прям, меня совсем взбухурили, сразу и не помню все. Конечно, и шьют, и вышивают, у нас каждая девка себе в приданое вышивки кладет. Ну и шьют для дома тоже. Вяжут носки, рукавицы. Во, душегрейки мужикам на зиму вяжут. Про рыбу солёную видала, а как это — копчетую, не, не видала. А это как, лэрина Маринелла?

Ясно, есть с чем работать. Теперь надо на кухню. Хотя, давно меня интересует, сейчас спрошу.

— Лима, а почему тебя так зовут — Лимка? Ты же не маленький ребенок уже. И повариха наша — тетка Малка? Как у нее правильное имя? А у тебя?

Лимка вытаращилась на меня, то ли странные вопросы задаю, то ли сама не думала об этом.

— Ну, так, лэрина Маринелла, простых всех так зовут, красивые имена только для богатых и благородных. Вот вас красиво зовут, лэрину Зелину тоже, а я по бумагам Лимия, но все Лимкой зовут. А тетку Малку, наверное, Малией зовут по бумагам, я не знаю.

— А пойдем на кухню сходим, хочу посмотреть, как там готовят.

Лимка покачала головой, дивясь на хозяйкину блажь, но повела меня своими тропами на кухню. С мымрой не только Лимка не хотела встречаться, но и я тоже, так что пробирались мы, как два диверсанта.

На кухне было тихо и спокойно. Я думала, что все будет здесь кипеть — шкворчать, но потом вспомнила, что вечер уже, ужин готов, его только подать осталось, поэтому повар сидит спокойно за столом в углу кухни с чашкой чая. Тетка Малка оказалась приятной женщиной лет сорока на вид, вся такая румяная, сдобная на вид, уютная. Увидев нас, пробирающихся между плитами к ней, сильно удивилась.

— Лимка? Да ты и лэринку привела, она же ходит едва, вот ты голова бедовая!

— Тише, тетушка Малия, это я попросила Лиму привести меня на кухню. Давно хотела посмотреть, вы так вкусно готовите, если бы не вы с Лимой, я бы на лекарском бульоне давно бы ноги протянула.

Повариха жалостливо вздохнула.

— И то верно, вы ж такая худенькая, в чем душа держится, да и девчонка ваша тоже шкилет шкилетом. Я уж и курочку для бульона пожирнее выбирала, да лэрина Зелина велела

наоборот, попостнее готовить. А Лимка потом прибежала, сама наливала пожирнее да вам носила. Ну и лепёшек всегда носила. А что, нельзя было? — встревожилась добрая женщина.

— Не переживайте, тетушка Малия, все нормально, я все теперь могу есть, вы Лиме все давайте, я пока только в своей комнате ем. А что сегодня на ужин?

Повариха назвала блюда из меню ужина, вроде ничего необычного. Но хотелось бы посмотреть на продукты.

— Тетушка Малия, а где вы продукты храните? И кто продукты у вас покупает? Или вы сами на базар ходите?

Добрая тетушка, если и удивилась моему интересу, но не отказала в краткой экскурсии по кухне. Я узнала, что мясо, птица, рыба хранятся в помещении с ледником, а молоко, молочные продукты, овощи — просто в холодной комнате. Сейчас, в начале весны, овощей свежих на базаре осталось немного. Морковь, лук, репа, тыквы, картофель. Были сушеные овощи, фрукты и ягоды. Очевидно, так перерабатывали урожай для хранения — сушили. Молоко здесь не сепарировали, сметану делали отстоем молока, масло сбивали. Крупы, пряности, соль, сахар муку они закупали на базаре, ходили по мере надобности, повар и дворовой мужик, носил покупки. Молоко привозил молочник по утрам, когда ему заказывали, мясо привозил мясник. Рыбу покупали на рынке в порту у рыбаков. Из макаронных я увидела только домашнюю лапшу, других изделий видимо, не знают. Все это мне поведала добрая тетушка охотно, видя мой интерес. Мы с ней даже чая с булочками успели выпить. И только потом мы с Лимкой вернулись в свою комнату, куда позже Лимка принесла поднос с ужином.

Дочитать мне осталось не так и много, завтра закончу, а потом пойдем с Лимой на рынок на разведку.

Глава 6

Грабли — вот и все, что нам осталось от сельского хозяйства.

Сегодня дочитывала всю литературу, которую нашла. Особых открытий не совершилось как—то, скорее, подтвердилось то, что и раньше подозревала. Сельское хозяйство крайне необходимая отрасль, но и тяжёлая, и убыточная из-за низкой производительности, возможно, отсутствие севооборота, агрохимии даже в зачаточном состоянии, плохое районирование сортов зерновых. Надо ещё изучить животноводство, тут можно достичь рентабельности не только производством, но и переработкой продукции. Ну, и хороший маркетинг. В общем, все то же самое, с чего я начинала в своем мире. А если я смогла один раз, почему бы не попробовать ещё разок?

Папенька все ещё изволил гневаться и светлый лик дочурки видеть не желал. Я пока тоже не рвалась на randevu, у меня ещё не все данные имелись на руках. Мне мысль пришла в голову, и я ее, мысль, долго думала. Каким образом вытрясти с папаши причитающиеся мне деньги? И сколько их там? Отец сказал, что не велики капиталы по его меркам. А если по общечеловеческим? Где может быть завещание матери Маринеллы? У нотариуса, у поверенного семьи? Маринелле, то есть мне, двадцать лет, я имею право вступить в наследство по завещанию. Надо узнать, кто поверенный семьи. Лимка вряд ли знает, она сама не так давно тут работает. А вот тетушка Малия, по ее словам, уже девятнадцать лет тут работает, мать Маринеллы видела, помнит ее. Может и знать, кто у нас поверенный.

Сегодня же и узнаю, опять пойдем на кухню перед ужином, там в это время спокойно и лишних глаз и ушей нет. Кажется, с мыррой у нее тоже неважные отношения. Надо бы вообще узнать поподробнее об этой лэринке, что за птичка, почему ведёт себя так надменно. Может, амурничает с папенькой? Поэтому чувствует себя слишком свободно. Но всё—таки со мной особо спорить не рискует. Значит, положение ее в доме не слишком уверенное. А пока есть время до похода на кухню, ещё Лимку попытаю вопросами.

— Лима, а рынок от нашего дома далеко? Ты там бывала?

— Не, недалеко, вон по той улице пройти, вон тамочки свернуть, немного ещё пройти и вот туточки и рынок будет. Я ходила с тёткой Малкой часто, пока вы не заболели.

Понятно, надо сверяться на местности, а то во всех туточки и тамочки я точно не разберусь.

— Лима, а ты моё пальто для прогулок почистила? И сапожки? Если почистила, то принеси ко мне в шкаф.

Лимка убежала исполнять распоряжение. Уфф, удачно нашла выход из ситуации. Афишировать свой уход из дома я не хотела, а где находится, верхняя одежда не знаю, разыскивать ее и трясти перед всеми верхней одеждой, показывая, что куда—то собралась, тоже не слишком хотелось. А так все прилично — барышня проверяет работу своей горничной, как она почистила ее одежду. Мало ли почему оставила потом пальто в своей гардеробной. Теперь с другими вопросами к Лимке зайду.

— Лима, а вот в поместье земли под пашнями, огородами какие?

— Как какие? Обыкновенные.

— Нет, Лим, я про другое спрашивала. Они возле леса расположены или возле реки, может, болота рядом есть с пашнями?

— Ой, ну вы так много спрашиваете, я так сразу и не упомяну. А так всякие есть. Возле леса поля большие есть, сейчас только там и сеют. Есть недалеко от реки, там заливает по

весне, поэтому и сажают мало, а сейчас и вовсе ничего. А недалеко от болота совсем забросили, там местами земля аж с зеленью бывает.

Вот, вот этого я и добивалась! Узнать состав почв. Возле леса поля по всем признакам подзолистые, поэтому пока плодородные, но подпитка органикой уже сейчас крайне необходима. Возле реки, скорее всего, заиленные почвы, тут наоборот, минеральные нужны, калий, калий, то есть известняк, зола. А возле болота — закисленные почвы, надо раскислять срочно — известняк, доломитовая мука. А где их брать? А вот сейчас опять продолжим наше увлекательное действие под общим названием: «Что? Где? Когда?».

— Лима, а каменоломни какой—нибудь там недалеко нет? И уголь у вас там нигде не жгут?

— Так в поместье же и есть каменоломня, там много раньше камня добывали, а сейчас и не работает там никто. Если только кому из мужиков камня надо, дом поднять, или печь подновить, так и ломают себе. Дом барона нашего строили с того камня, белый такой, красивый. И углежог есть, да только барон молодой сразу отдал на откуп промысел трем семьям, они теперь только налог барону платят и все.

— Так барон все продал уже. Сейчас они папеньке платят?

— Так я и не знаю, лэрина.

Ну, вот, кое—что и узнала. Углежог есть, значит, зола есть, а это калий. Каменоломня с известняком, раз дом из белого камня, значит, измельчить, доломитовая мука будет, да и просто известь. Казалось бы, из ерундовых вопросов — ответов, а сколько информации нарыла.

Попивая душистый ягодный взвар на кухне, я продолжила свою разведывательную деятельность.

— Что—то последнее время лэрина Зелина много воли взяла, папеньке на меня ябедничает, на мою служанку покрикивает. А это моя служанка, не ее! Если Лима виновата, так я сама накажу, не прошу ее вмешиваться. Или лэрина Зелина всегда такая была, да я внимания не обращала? — забросила я пробный шар.

Тетушка Малия помолчала, затем сказала:

— Ну, особо доброй она никогда не была, вы же, лэрина, всегда с ней скандалили, хоть и крошкой ещё были, вам всего—то пять годочков было. Но последний год она как с цепи сорвалась. И то не так, и это не эдак. И то сказать, возраст уже у нее подходит, а она все не замужем. Ни мужа, ни детей, тут любая беситься будет.

— А вот ты, тетушка Малия, вроде одна живёшь? (это по секрету разболтала Лимка.)

— Так была я замужем, лэрина Маринелла, это вы по малолетству не помните. Да только не шибко и долго и пробыла. Ушел муж в море рыбалить, да и потонул их карбас. С тех пор так и живу в вашем доме. А последний год от лэрины Зелины совсем житья не стало, все ходит, вынюхивает, все пересчитывает, думает, поди, что я ворую. Да только неправда это, сроду чужого не брала я! — в сердцах воскликнула повариха, и, успокоившись, добавила — Было бы куда уйти, ушла бы, не задумываясь.

Вот, ещё один мне союзник нашелся. Если получится дело с поместьем, обязательно позову Малию с собой.

— А что же папенька не осадил эту мымру? Она же всех в доме изводит.

— Молоды вы ещё лэрина, не все понимаете. Ведь когда лэрина Зелина к вам в дом пришла, она, видать, надеялась, что папенька ваш женится на ней, и с вами все вначале сюсюкала. Да только не приняли вы ее, кричали и скандалили. А как вы в Академию свою уехали, сильно лэрина радовалась, думала, сейчас ей свободней будет. А только и так ваш папенька жениться на ней не хочет. Видно, сильно он вашу матушку любил. Вот она и злобствует, на всех свое зло вымещает. Ой, что—то наговорила я много лишнего, да и вам пора, идите, скоро ужин будет.

И мы пошли к себе. Я ещё раз проверила одежду на завтра, кошелек с монетами, который нашла в ящике стола, мои карманные деньги за прошлый месяц. Ещё раз проверила по сельскохозяйственному журналу названия современных районированных сортов семян овощей и зерновых. Завтра буду приглядывать их на рынке.

Собрались в свою разведывательную вылазку мы сразу после завтрака. Лимка сказала, что рынок начинает работать рано, а после обеда уже пустеет. Но это вполне ожидаемо — хозяйки торопятся купить с утра свежее, а кому нужны деловые контакты, закупки и прочее, тоже вряд ли будут тянуть до вечера, чтобы не упустить лучший товар. Выбирались из дома согласно всем правилам диверсионной науки, проверяя, свободен ли путь, переговариваясь знаками и передвигаясь на цыпочках. Свободно вздохнули только когда завернули за угол высокой кованой ограды, где нас загораживали деревья, хоть и без листьев ещё.

Мы переглянулись, и я захохотала первой, затем по-девчоночьи прыснула Лимка. Смеялась я долго, выплескивая в смехе все, что накопилось за все эти дни после попадания — страх, непонимание, внутренние метания в поисках выхода, принятие ситуации и обдумывание вариантов. Отсмеявшись, подхватила Лимку под локоток, и бодро пошагали в сторону городского рынка.

Идти и в самом деле оказалось не слишком далеко, по моим ощущениям минут двадцать пять — тридцать. Но я всё равно устала, мне бы посидеть немного. Лимка, заметив мою бледность и испарину на лице, встревожилась:

— Ой, лэрина Маринелла, вам плохо? Погодите малость, вот туточки лавочка была, сейчас посидим. Вот рано вам было из дому идти, отдыхать надо ещё, а вы все книжки свои читаете, читаете.

Под бодрые причитания Лимки мы дотащились туда, где "туточки лавочка" была. И правда, сразу за входными воротами рынка было нечто уголка отдыха — стояло несколько скамеечек и небольших столиков. Недалеко кучковались мужички—извозчики с кнутами, заткнутыми за пояс армяков. Посидели, отдохнули, заодно присматриваясь к общему виду рынка. Видно, во всех мирах рынки одинаковы — пестрые, шумные, многолюдные.

Самые первые ряды были отданы промышленным товарам — различная мануфактура, бижутерия, готовая одежда, обувь и прочее. Далее шли ряды с продуктами, именно туда спешили озабоченные хозяйки, хлопотливые служанки с корзинами, шныряли шустрые пацаны. А вот дальше уже виднелись ряды оптовиков, слышался металлический перезвон то ли кузнечных мастеров, то ли оружейников. Очевидно, загоны со скотом были немного дальше, отсюда их было не видно.

Отдохнули, двинулись. Кстати, хорошо бы сразу по ценам. Наличность свою карманную я пересчитала ещё вечером, там было чуть более сотни монет разного достоинства. Больше было золотых, серебряные, немного монет какого—то непонятного металла, скорее сплава. Я так предположила, что это самые мелкие монетки. Вот сейчас и узнаем их покупательную способность. Но сорить деньгами не будем, они мне ещё понадобятся.

Двинулись потихоньку. Мануфактура была разная, от дешёвых пестрых тканей до хорошей шерсти. Но шелков, бархатов не увидела. Но поскольку я точно видела в гардеробе Маринеллы платья из этих тканей, то делаю вывод, что такое продается только в дорогих магазинах. Ткани стоили достаточно недорого, при умении шить, можно вполне выгодно одеваться. Обувь стоила, разумеется, дороже, но при этом женские туфельки стоили дороже, чем полноразмерные мужские сапоги, хотя количество кожи на туфлях и сапогах было несравнимым. Бижутерию прошли быстро, особо я ей не интересовалась. Хотя Лимка с жадностью разглядывала это девичье счастье.

Продуктовые ряды я изучала уже более тщательно. Здесь было представлено почти все разнообразие продуктов, кроме рыбы и морепродуктов. Но тетушка Малия говорила, что это продается на рынке в порту. Вначале шла различная бакалея, крупы знакомые и не очень, цены

были умеренные. Макаренных изделий не увидела совсем. У нас в доме тоже лапшу готовила сама кухарка, значит, производства макаранных нет.

Муки заметила несколько сортов, и стоимость тоже была разной. От наиболее дешёвой, темноватой и грубого помола до тонкого помола светло—серенькой. Да — да, я не оговори-лась, чисто белой муки, к какой мы привыкли, не существует в природе. Это результат отбеливания готовой серой муки различными химикатами. В этом мире до такого видимо ещё не додумались. Вот светло—серая мука была самой дорогой. Готовый хлеб продавался тоже.

Формового хлеба я здесь не видела пока, выпекали его либо в виде толстых лепёшек, типа как в Средней Азии в нашем мире, или в виде калачей и караваев. Но дрожжевой, что уже хорошо. Молочный ряд был богатым, представлено все разнообразие молочной продукции здешних краев. Просто молоко, сметана, творог, масло, различные сыры — полутвердые, овечьи, козий сыр. Не заметила плавленого сыра. И кисломолочных тоже не было продуктов. Цена достаточно высокой была именно на переработанный продукт, само молоко не было столь дорого.

Кондитерка была представлена в основном твердой карамелью, леденцами, пряниками, различными печеньями. Яйца как яйца, ничего особенного, кроме цены. Дороговато. Интересно, везде или только в этом городе? Мясной ряд, хоть я и не люблю запах сырого мяса, тоже прошли, тщательно рассматривая и интересуясь ценами. Была на прилавках говядина, свинина значительно меньше, баранина, крольчатина или что—то похожее на это, куры, гуси, утки. Птица была немного дешевле, нежели баранина, а она была дешевле говядины и свинины.

Складывалось впечатление, что мясо есть каждый день могли себе позволить далеко не все. Цены кусались. Из переработанного мяса увидела запечённые окорока, вяленую баранину, солонину в небольших бочонках, круги кровяной колбасы. Консервированного мяса не увидела, видимо, до консервного производства здесь тоже ещё не дошли. А жаль, крайне выгодный продукт, тем более здесь морской порт, моряки охотно бы раскупали тушёнку в плавание.

Фруктово—овощной ряд представлен довольно скудно, но это и понятно, весна, заканчивались запасы. Видела все те же тыквы, лук, фиолетово—бордовую морковь, картофель некрупный, округлый с белой кожурой, местный сорт, видимо, репа. Свежей капусты не увидела, также как и свежих ягод и фруктов, только в сушёном виде. Мед в сотах и небольших глиняных плошках. Компотов, варений не увидела в продаже, хотя дома тетушка Малия подавала булочки с вареньем. Наверное, каждая хозяйка сама занимается заготовками. Цены тоже не радовали своей экономностью, но возможно, это был сезонный подъем.

Далее пошло самое интересное для меня — семена различные, оптовые продавцы. Каких только семян я там не увидела! От вполне узнаваемых, до абсолютно мне неизвестных. Хорошо, продавцы, увидев тупенькую и любопытствующую барыню, охотно разъясняли, что это за овощ. Смешно, но некоторые семена, про которые продавцы говорили, что это заморский эксклюзив, для меня были вполне обыденными перцами, помидорами, баклажанами.

Увидев, как покупают семена кабачков по две штучки, я удивилась. И узнала, что их здесь используют как лекарство от болей в животе, вот заваривают одно семечко и пьют отвар. Странно, никогда не слышала о лечебном воздействии семян кабачков. Тыквенные семечки слышала, что применяют как противоглистное, а вот кабачки...

Цены на семена были вполне умеренные, можно было купить по любому кошельку. Продажа оптом зерновых тоже была различной по стоимости. Зависело и от объема закупки, и от сортности зерна. Кормовые сорта стоили дешевле, а пищевые, для переработки на муку, естественно, дороже. Ну, и сорт зерна тоже влиял. Хорошие, новые сорта стоили дороже, чем старые сорта. Понятно, что и продуктивность с одной меры земли разных сортов зерновых будет разная.

Я заранее присмотрела несколько сортов пшеницы, про которые читала в сельскохозяйственном журнале, узнала цены, возможность закупа оптом, есть ли доставка.

У скотных загонов тоже провели немало времени. Лимка подсказывала, какие животные были у них в поместье, какие породы, судя по всему, селекция животных в поместье давно уже не проводилась, стадо было старой, малопродуктивной породы. Взрослые животные продавались достаточно дорого, а вот молодняк можно было купить. Один вопрос — как это доставить?

Кузнечные ряды прошли уже в быстром темпе, устали и проголодались. Единственный вывод, который я сумела сделать — металл был недорог, сельхозорудия среднего класса имелись.

Пока возвращались назад к выходу с рынка, я купила нам с Лимкой по хорошему пирогу с мясом и кувшинчик взвару, то есть просто компота из сухофруктов. Умяв все это, сидя на скамейке у выхода, решили, что сильно устали и можем позволить себе нанять извозчика. Вышли мы недалеко от дома, прошлись тихо вдоль забора и также партизанскими тропами вернулись в дом. Оказалось, что бродили мы несколько часов, и сейчас подадут обед. Наскоро переодевшись и сполоснув лицо и руки, отообедали. И тут грянула гроза.

Постучавшись, в комнату вошла лэрина Зелина. Сделав крайне постное выражение лица, она сказала:

— Лэрина Маринелла, вас ожидает в кабинете ваш отец, лэр Нессир. Сказал, чтобы вы не задерживались.

Да, морда постная, но как глазоньки—то блестят злорадно. Настучала, что ли? Тоже мне, Павлик Морозов. Мельком глянув на себя в зеркало, убедилась, что лицо не изменилось, поправила прическу и пошла на долгожданную аудиенцию к папеньке.

Кабинет отца Маринеллы поражал своей основательностью и фундаментальностью. Темная, тяжеловесная мебель, такие же темные шкафы с виднеющимися за стеклами бумагами, бумаги разложены и на столе, массивный каменный письменный набор. Плотные гардины на окнах вовсе не добавляли света в комнату. За столом сидел мужчина лет сорока пяти на вид, темноволосый, с легкой серебристой паутинкой на висках, аккуратно подстриженной недлинной бородой, смугловатый, светло — карие глаза смотрели цепко. Вроде на психопата и самодура не похож, но кто же его знает.

Он кивнул стоящей за моей спиной Зелине:

— Вы свободны, лэрина Зелина, со своей дочерью я хочу поговорить отдельно.

Не уверена, что мымра не будет стоять под дверью, приложив ухо к замочной скважине. Очень уж она злорадствовала, хотелось ей посмотреть на мое унижение, но отец оказался умнее. Всё—таки дочь — родная кровь, а не чужая экономка.

— Так, Маринелла, как мне доложили, ты уже вполне здорова и даже ходишь гулять.

Вот мымра, донесла—таки! Ну, ничего, я тебе ещё отплачу!

— Да, отец, я чувствую себя значительно лучше. А свежий воздух мне необходим, в доме мне душно. Спросите лекаря.

Так, папенька не ожидал, что я не буду оправдываться и подтверждаю донос. Немного потерял канву предстоящего нагоняя. Но собрался быстро. Сразу видно, хороший торгаш.

— Надеюсь, ты поняла всю глупость своего поступка? И теперь, успокоившись, ты спокойно отнесешься к выбору отца?

— Простите, отец, вы решили жениться? Поздравляю! — играем дурочку.

— Что? Нет, Маринелла, это ты выходишь замуж!

— Еще раз простите, если это я выхожу замуж, то при чем здесь ваш выбор? Это ведь не вам с ним жить, а мне всю жизнь жить с мужем. Значит, и выбирать я сама должна!

Выводим, выводим мужика на нужные эмоции. И он не заставляет себя долго ждать.

— Да как ты смеешь перечить!! Да я тебя запру в комнате, и будешь сидеть, пока не одумаешься!

А вот теперь начинаем партию самостоятельности.

— Нет, папенька, не получится! Мне двадцать лет уже исполнилось! Вы должны спросить моего мнения! И вообще, отец, я подаю требование на самостоятельность! А запретите — вам же хуже будет! Не дам я согласия на брак! И поверенному так скажу, при свидетелях! Мне нужна самостоятельность!

От неожиданности папенька аж поперхнулся гневными словами, которые он хотел выпалить мне. Потом, правда, собрался с мыслями и загрохотал:

— Ты? Самостоятельности? Да кто ее тебе даст? На что ты рассчитываешь? Что я испугаюсь и отступлюсь? Не бывать такому! А если рассчитываешь на матушкино завещание, так там тебе денег мало будет, не проживёшь! Назад придёшь с поклонами, сама замуж попросишься!

Вот, вот оно то, ради чего я затевала скандал! Завещание!

— Я хочу знать все про завещание, сколько мне причитается денег и тогда я вам, папенька, скажу, что я собираюсь делать.

На удивление отец перестал бушевать быстро, успокоился, взял себя в руки. Чувствовалось, что он быстро просчитывает в уме варианты моих, а точнее, Маринеллы, капризов. Наконец, придя к какому-то решению, заговорил спокойно:

— По завещанию твоей матери тебе в день твоего двадцатилетия причитается некоторая сумма денег. Эти деньги принадлежали лично твоей матери, и я не возражал против такого условия. Я передам тебе хранящиеся в банке немного меньше восьмидесяти тысяч лир. Для меня эта сумма не особо велика, думаю, для тебя тоже. Что ты намерена с ними делать? Снять жилье и выдумать какую-нибудь глупость вроде торговли шляпками? В детстве ты собиралась этим заняться.

Ехидство отчётливо слышалось в его голосе. Нет уж, папенька, не дам я тебе возможности посмеяться. И теперь я перешла в наступление.

— Нет, отец, я уже давно выросла, только почему-то никто этого не замечает. И в Академии я изучала не только придворный этикет и бальные танцы. Вы, папенька, наверное, даже и не знали, что там есть много разных курсов, которые можно посещать. — врала я напропалую, но не думаю, что он сейчас кинется в академию проверять — Так я там изучала экономику и сельское хозяйство. И мне это нравится. И я даже получила отличные отметки на экзаменах!

Папенька завис, как перегруженный процессор. Молча смотрел на меня, то ли с полным непониманием, то ли собираясь с силами для нового витка скандала. Но я не дала ему такой возможности, продолжая оглушать его новыми вводными.

— Отец, я знаю, что не так давно вы купили разоренное поместье и теперь не знаете, что с ним делать. Оно ведь обуза для Вашего дела, не правда ли? Сельское хозяйство — не Ваша стезя, отец. А я могла бы поднять хозяйство этого поместья. Я изучила всю доступную информацию и знаю, что надо начинать делать в первую очередь, что во вторую и так далее. И денег, что матушка оставила мне, должно хватить на первое время, а там и поместье начнет приносить доход. Поэтому я прошу Вас, отец, отдать мне Белую долину. Если боитесь, то сдайте мне в аренду!

Шарики и ролики в мозгу у купца, наконец, со скрипом и скрежетом провернулись, и папенька отмер. Но боевой запал прошел, осталась только растерянность.

— Интересно, чего я ещё не знаю о своей дочери? — пробормотал он себе под нос, но я всё равно услышала, так как тишина, установившаяся в кабинете, была так просто звенящей.

— Действительно, ребенок вырос. — и добавил громче — Ну, хорошо, предоставь мне свой план, я обдумаю и решу, как поступить. Можешь идти.

Но я решила ковать железо, не отходя от кассы, мало ли, опять уедет куда-нибудь, или передумает сто раз, или мымра опять чего насплетничает. Поэтому горячо возразила:

— Нет, отец, если дадите мне минут двадцать, лист бумаги, я Вам тут сразу все и напишу, и мы даже успеем и обсудить сразу некоторые вопросы.

Папенька хмыкнул, но писчебумажные принадлежности мне выдал. Да, перьевой ручкой я никогда не писала, и теперь с трудом пыhtела, стараясь посадить поменьше клякс. За двадцать минут это я, конечно,хватила, но за полчаса управилась. Я же все это гоняла в мозгах не один раз, да и писала тезисно, не расписывая весь технологический процесс, купцу это и не интересно и непонятно. Да и, в конце концов, не заявку на бизнес—кредит в Сбербанк подаю. Вот где каждую запятую пересчитывают.

Мое творчество Нессир изучал довольно долго, хмыкая недоверчиво через фразу. Почерк у меня, конечно, был — только шифровки писать, не один дешифровщик с ума сойдёт, разгадывая. Но всё—таки, перьевая ручка, это раз. Вообще от руки давно уже не писала, в основном на компьютере писала — это два. Ну и неродной для меня язык — это три. Так что простительно. Но вопросы Нессир задавал неглупые, видно что, если и не владеет темой сельского хозяйства, в экономике неплохо разбирается. Я тоже старалась соответствовать имиджу девочки—отличницы. По—моему, купец остался доволен и планом и ответами его как бы дочери. Вот не могу никак привыкнуть к мысли, что я молодая девица, а этот весьма интересный мужчина — мой отец.

— Ну, Маринелла, вроде бы все понятно и может получиться. Я ещё подумаю и завтра утром я тебе отвечу. Иди, отдыхай.

И пошла я, солнцем палимая, к себе в комнату. Зелины возле кабинета не наблюдалось, наверное, устала слушать. Я беспрепятственно добралась до своей комнаты. Лимка сидела в комнате уже вся на нервах, в глазах блестели слезы. Мымра, что ли приходила и опять ребенка доставала? Счёт к экономке все возростал.

— Лима, ты чего? Обидел кто?

— Ой, лэрина Маринелла, вы пришли. А я уж вся спереживалась, папенька—то ваш сердит, бывает, страх как кричит. А вы ушли, и долго нету. Я хотела бежать да сказать лэру Нессиру, что это я вас позвала гулять по городу.

Я рассмеялась:

— Лима, не переживай, папенька не сердился. Просто мы разговаривали — храбрый воробушек моя Лимка, сама практически бесправная, зашуганная мымрой—экономкой, а хотела кидаться на мою защиту.

Весь вечер усердно изображала невозмутимость, чтобы Лимка ещё больше не нервничала, жалко девчонку было. Я понимала, что вечером решается моя дальнейшая судьба, ну и Лимкина тоже. Если я поеду в поместье, то ее здесь не оставлю, несладко ей тут. Сама тоже нервничала. Я ведь все поставила на этот разговор с отцом Маринеллы, а он никак не может сразу принять решение. Далось ему это замужество дочери! Ещё раз перечитывала свои записи, планы, списки необходимых покупок, подставляла цены, которые я видела на рынке. Подсчитывала, что я смогу закупить на свое наследство. Получалось, многое могу позволить себе купить. Но необходимый денежный запас все равно мне необходимо иметь.

Как дожила до утра, изнывая от беспокойства — отдельная скорбная повесть, но дожила. Решила подпортить настроение и лэрине Зелине, больно уж у нее вчера морда довольная была, посему решила одеться, как подобает благонравной барышне, навела красоту, и, блистая молодостью и красотой, поплыла в семейную столовую на завтрак. Чего от меня никто, естественно, не ожидал.

Глава 7

К чужой душе всегда найдешь ты дверцу.
Точней — она откроется сама,
Когда поймешь, что пара слов от сердца
Сильнее сотен тех, что от ума!

В столовой уже присутствовала мымра, папеньки ещё не было, стол накрыт на две персоны. Пока Зелина приходила в себя от моего сюрприза, в столовую зашел и глава семьи и двинулся к своему месту во главе стола. Я также непринужденно уселась на то место, где было накрыто для ещё одного трапезничающего. Зелина подавилась словами от возмущения, но что она могла тут сделать? Выгнать меня она не имела права, да и сделать мне замечание тоже. Понятно, что месть моя была мелкая, детская, но от этого менее унижительной не становилась.

Папенька тоже оценил новый расклад сил, хмыкнул и невозмутимо приступил к завтраку. Я постаралась улыбнуться как можно ослепительнее и, пожелав всем приятного аппетита, тоже отдала должное завтраку. Лэрина Зелина ещё некоторое время потопталась растеряннo, затем повернулась и вышла деревянной походкой. Если бы раньше Зелина пылала ко мне любовью, то после этой выходки, точно бы возненавидела. Но, к счастью, столь радикально ей свои взгляды менять не пришлось. Неприязнь ко мне продолжалась по—прежнему.

Закончив завтрак, отец поднялся и велел зайти к нему в кабинет, после того, как я закончу завтракать, и ушел. Я торопливо допила чай и тоже последовала за ним. Мандраж, конечно, был, но покер—фейс, отработанный годами переговоров с партнёрами и не очень партнёрами, держала невозмутимо. Папенька кивком головы предложил мне присаживаться на стул возле его стола, сам продолжал крутить в руках лист бумаги с моими вчерашними выкладками.

— Ну, что сказать, Маринелла? Не нравится мне твой план, не нравится! Мой план с твоим замужеством мне нравится больше. Но ты же настырная, в кого только такая уродились? Мать твоя наоборот была очень доброй и покладистой, достойной женщиной, но ты же упрямая.

Отец Маринеллы сокрушенно покачал головой. Меня так и подмывало сказать: "В вас, батюшка, пошла нравом упрямым, в вас!" — но не рискнула лишний раз идти на конфронтацию, достаточно сегодня навредничала.

Купец продолжил:

— И в план твой мало верю. Но не смогу тебе отказать. По закону, раз ты требуешь самостоятельности. Поместье мне не жаль, все равно, тут ты права, не знаю, что с ним делать. Я долго вчера думал, да и сейчас не уверен, что правильно поступаю, но пусть будет так. Я тебе отдаю поместье на следующем условии — сумеешь поднять поместье из убытков за год, максимум два — будет оно частью твоего приданого, выйдешь замуж по своему выбору. Не сумеешь — тоже будет твоим приданым, только единственным. Это наказание тебе будет за глупость и своеволие. И жить тогда будешь уже по моему решению. Деньги, завещанные матерью, ты получишь, и даже твоих карманных ежемесячных денег на это время тоже не лишу. Глядишь, хоть на обратную дорогу пригодятся. Договор оформим сегодня после обеда. Придет мой поверенный и все подпишем. Дальше поступай, как сама желаешь.

Я даже не смогла усидеть спокойно на стуле, так меня переполняли эмоции. Подскочила со стула, метнулась к отцу, поцеловала в щеку и обняла, куда дотянулась, где—то в районе талии, выше не дотянулась.

— Иди — хрипловато проговорил отец, отворачиваясь, и, когда я почти дошла до двери, добавил — Зелине ты сегодня точно на хвост наступила. Смотри, она запомнит.

Но меня злоба мымры уже мало волновала, мне надо было готовиться к закупкам, отъезду на самостоятельную жизнь. И ещё я поняла — отец Маринеллы ее любил и хотел по—своему сделать так, как будет лучше для нее. И меня, в теле Маринеллы, тоже не бросит. Он все равно будет заботиться обо мне. Это придавало некоей уверенности, что ли. Не хотелось уходить из этого дома, оставляя за собой только плохое. Я всегда смогу найти помощь у отца Маринеллы. Жизнь все расставит по своим местам. А пока у меня дел, больше, чем моя жизнь. И если появилась у меня возможность прожить ещё одну жизнь, я это сделаю!

Долетела я до своей комнаты, кажется, за один миг. В комнате была Лимка, что—то мурлыча под нос себе, какую—то простенькую песенку, она вытирала пыль.

— Лимка, бросай это дело, давай наряды пересматривать!

Пересматривать наряды — любимое занятие любой девушки, но у меня была вполне практическая цель — мне нужно было отобрать одежду для жизни и работы в деревне, костюм в дорогу, ну и пару платьев для приличия. Распахнув шкафы, я приуныла — платьев было уйма, но все они были только коров очаровывать, как говорила мама дяди Федора из Просто-квашино. Длинные, пышные, расшитые бантиками, рюшечками, кружавчиками, с камнями и без — они годились только для выгуливания их в столичных гостиных и бальных залах. Ну, камнями я, положим, отпорю, будет НЗ на всякий случай, а с рюшечками мне по полям рысачить, что ли?

Нет, до обеда есть время, надо срочно к модисткам или кто там есть в этом мире. И не к самым модным. Ещё чего, деньги на понты переводить! Заодно сейчас и обувь гляну. Да, сапожки из тонкой кожи деревенскую грязь и недели не переживут. Так же, как и бальные туфельки.

— Лима, бросай это, собираемся к модисткам и сапожнику!

Бедная девчонка заметалась, совсем растерявшись от противоречивых распоряжений хозяйки, но собралась быстро. Я тоже вскоре стояла одетая у дверей. На сей раз прятаться мы не стали, демонстративно вышли через парадные двери. Встретившуюся по пути Зелину я принципиально не заметила, как предмет интерьера.

Нужные мне лавки мы нашли довольно быстро, не так далеко от нашего квартала. Все благодаря любопытству шустрой Лимки. Только попав в город, она быстренько оббежала всю округу, разглядывая и запоминая, где и что расположено.

— Ой, лэрина Маринелла, а вы, правда, здесь хотите платья купить? Вы же всегда у мадам Зизи заказывали, там так все красиво, сверкает, зеркала, духами пахнет — девчонка в восторге закатила глаза.

Я рассмеялась:

— Правда, Лима, правда здесь. Мне сейчас попроще и попрacticalнее платья нужны.

В лавке модистки мы пробыли около часа — пока сама хозяйка и ее помощница сняли мерки, пока я объяснила, что именно хочу и из какого материала. Некоторую неуверенность у них вызвал заказанный брючный костюм, но самые стратегические места там были прикрыты длинным жакетом. Не все ткани нашлись у модистки, но я примерно объяснила, что я хочу, и дала деньги для закупа ткани и аванс на пошив.

Хозяйка обещала и сама сесть за шитье, и взять ещё девушку для работы, и обеспечить мне гардероб в ближайшее время. Одно платье купила из готовых. Миленькое утреннее платьице из муслина, его только немного надо было подогнать по фигуре. Не забыла я и про свою верную Лимку. Ей купили платья, из готовых, аж три — "страсть, какое нарядное", по словам самой Лимки, повседневное для дома и форменное платье горничной.

У сапожника тоже были почти столько же. Заказала себе сапожки, ботинки и туфли из добротной кожи, чтобы и ноге было удобно и практично. Ну и Лимке сапоги и туфли, а то у девчонки, кроме растоптанных зимних стареньких сапог и не было ничего. Девчонка от пол-

ного восторга даже сказать ничего не могла, только молча таращила блестящие глаза, судорожно прижимая к груди пакеты со своими обновками.

Я не говорила ей про свои дальнейшие планы, пока не подписаны все документы. Чтобы не сглазить. Домой вернулись перед самым обедом, у меня хватило времени только быстро умыться и сменить платье.

В столовой, кроме отца, был ещё один мужчина средних лет, разглядывавший меня как некую диковинку.

— Вот, Маринелла, знакомься, это лэр Гельм, мой поверенный, он и составит наш с тобой договор.

Я присела в книксене, сама подумала:

— Понятно, почему он меня разглядывает как невидаль какую. Думает, блажь девке в голову ударила.

Что и как мы ели — даже не заметила, я вся была в лихорадочном нетерпении, ведь моя жизнь в этом мире решалась. Мужчины о чем-то переговаривались, когда ко мне обращались, я лишь невнятно мычала в ответ, так велико было мое нетерпение. Наконец закончился этот бесконечный процесс обеда и мы переместились в батюшкин кабинет.

Договор поверенный составил быстро со слов отца и при моем согласном кивании в особо важных местах. Мы его подписали, я получила оригинал, папенька — заверенную копию, документы на поместье, попрощалась с поверенным, выскочила из кабинета и помчалась. Если вы думаете, что к себе в комнату, так ошибаетесь.

Я помчалась подслушивать в библиотеку. Дополнительная информация никогда не помещает.

В библиотеке я рванула к заветному шкафу и дверце за ней, прильнула ухом. Голоса были негромкие, но слышались отчётливо. Разговор продолжался, я услышала уже с середины фразы

— зря ты ей разрешил.

— Может и зря — голос отца Маринеллы был спокоен, без раздражения, как в прошлый раз — но, видишь ли, почитал я ее выкладки по поместью. И если бы она не писала их прямо тут при мне, не поверил бы, что моя Маринелла способна на такое. А может и вправду — повзрослела? С поместьем, ты сам знаешь, я и вправду не знал, куда его пристроить. Хотел продать — но цену, которую я заплатил, никто не давал. А так, пусть девчонка попробует, если поумнела. И тогда она и сама не будет против замужества. А если осталась такой же капризной — все равно назло будет делать и замуж не пойдет. Пусть пробует. Глядишь, купеческая кровь возьмёт свое.

Далее пошли неинтересные мне разговоры и я подалась к себе. Войдя к себе, плюхнулась в кресло, и сидела, уставившись в теперь уже свои бумаги. В таком положении застала меня Лимка, пришедшая из прачечной с кучей выстиранной одежды.

— Лэрина Маринелла, с вами все хорошо? Чтой-то вы тут сидите так тихонько?

Я очнулась от раздумий, слабо улыбнулась, откат от напряжения последних двух дней, наконец, догнал меня.

— Нет, Лима, все хорошо. Давай закончим с одеждой, надо укладывать в багаж. Через неделю мы с тобой уезжаем в Белую долину. Поместье теперь мое.

Глава 8

Я еду дорогой далёкой,
Из города, в тихую глушь.
Где терем стоит, невысокий,
Под окнами розовый куст.
Вдоль дворика, зимние вишни,
Их запах, царит у ворот.
Вот гуси заносчиво вышли,
Сказать: от ворот — поворот.
Вдали, почти до горизонта,
Могучий раскинулся лес.
Вершинами сосен высоких
Пьёт чистую воду с небес.

Карету для переезда в поместье отец дал свою, чтобы я не рисковала ни собой, ни деньгами в почтовых экипажах. Ехать до Белодолья нам двое суток. И вот тащимся мы по раскисшей весенней дороге, пересчитывая своими боками и э... , нижними девяносто, все ухабы и кочки, периодически утопая в глубоких колеях. Тогда мы выходим из кареты и топаем вдоль обочины, пока кучер и сопровождающие нас два охранника вытягивают экипаж на твердое место.

Хорошо, что тогда я заказала практичные сапожки без каблуков и из прочной кожи. И вообще за неделю мне успели пошить весь заказанный гардероб и обувь. Пусть без рюшечек и кружавчиков, зато удобный. Пару шикарных платьев я всё—таки взяла, вдруг придется очаровывать не только коров, но и деловых партнёров? А камня составшихся в особняке платьев я содрала. Мне могут пригодиться и оставлять не хочу. Ибо не фиг. Мымре я не доверяла от слова совсем.

Последние дни у нас с ней разгорелась нешуточная холодная война. Я платила ей той же монетой, какой она расплачивалась с нашей прислугой, да и по ходу, с несчастной Маринеллой тоже. Делала вид, что не замечаю ее в столовой, обращалась к ней только чтобы распорядиться о чем—либо, причем тоном, не предполагающим возражения. Может, это и мелко, но Зелина за все эти годы зарвалась конкретно. Вот пусть на своей шкуре попробует, каково это быть, когда ты никто и звать тебя никак. Зелина ненавидела меня молча, исключительно взглядом, в спину.

Вначале, когда она узнала, что мне поместье отец отдал, и деньги матери тоже мне достались — она впала в натуральную истерику. Бушевала она в кабинете отца. Мне об этом рассказала вездесущая Лимка, смешно тараща глаза и всплескивая руками. Но папенька быстро укоротил скандалистку. Правда, я не поняла, она что, на мое приданое замахнулась? А ей—то, с какого перепугу? Ну, да и черт с ней, теперь я от нее избавилась.

Тётушку Малию ехать со мной уговорить оказалось легко, с первого раза. Ее отношения с экономикой достигли самой высшей точки неприязни, и она все равно хотела увольняться. Мое предложение было вовремя. И вот теперь мы втроём месили грязь на весенней дороге.

Вся неделя прошла у меня в бешеном темпе — закупки, торговля, формирование багажа. Помощь отца оказалась неоценимой — если бы не его авторитет, меня бы точно облапошили с доставкой. Дело в том, что я закупила много посевного материала, других семян, потом ещё небольшое стадо молодых тёлочек, несколько пуховых коз и овец с великолепным руном. А вот

как быть с доставкой в мое поместье? Оно совсем не рядом. Если я сейчас заплачу вперёд, то не обманут ли меня с доставкой? Как быть? Найду ли я аналогичный товар на местном рынке?

Посомневавшись, обратилась к отцу. Тот одобрительно отнёсся к моим опасениям и поехал со мной вместе к купцам договариваться о доставке и оплачивать покупки. Выступил свидетелем при оформлении договора и добился дополнительного условия — при падеже скота при доставке мне будет доставлено необходимое количество дополнительно. Теперь я уверена, что мошенничества не будет, и я получу свой товар. Авторитет отца среди местных купцов был немалый. Тем более, он сразу представил меня как свою дочь. И в случае чего — придется иметь дело уже не с глупенькой девицей, а с матёрым купчиной.

Ну, насчёт глупенькой девицы они махнули, конечно, не видели они меня в деле. Но все рано или поздно заканчивается, собрались и мы. Уезжали мы рано утром, отец вышел меня проводить. Честно? Мы оба прослезились. За последние дни я намного лучше узнала его и была рада назвать отцом. И не думаю, что он желал зла своей дочери, просто они по—разному представляли счастье.

И вот мы сейчас готовимся ко сну на постоялом дворе, завтра уже прибудем в свое поместье. А мои закупленные товары и скот прибудут в течение следующей недели.

Мне так не терпелось поскорее добраться до поместья за этот день, что я велела не останавливаться на обед ни в каком постоялом дворе, а остановились на более—менее сухой полянке недалеко от дороги. Рядом был небольшой ручеек, так что лошадей напоили, дали им овса, а потом они ещё успели пощипать немного сухой прошлогодней травы, свежей травы пока не было.

Сами мы поели то, что взяли утром на постоялом дворе, хотя качество и не внушало доверия, да запасами, приготовленными тётушкой Малией ещё дома. Хватило и нам и сопровождавшим нас охранникам и кучеру. Есть они с нами, правда, не стали, стеснялись, отошли в сторону. Отдохнув около часа, потащились опять по хлябям и ухабам. Что же дороги здесь вовсе не ремонтируют, что ли?

— Лима, а кто дороги у вас ремонтирует?

Лимка недоуменно вытаращилась на меня:

— А чего их отремонтировать? Ездят же по ним.

— Лима, так и ты уже все бока отбила по такой дороге, не только мы. Ты же сама говорила, что каменоломня у вас есть. Вот камнем бы и замостили бы дорогу.

— Так старый барон хотел, а потом заболел и помер. А молодой барон и не появлялся в поместье. А папенька ваш...

— А папеньке пока некогда было и не по этой части он — сурово перебила я разговарившую Лимку — вот сейчас приедем и разберемся. Долго ещё ехать?

Сникшая было Лимка, вновь оживилась.

— Нет, лэрина, вот сейчас этот лесок проедем, потом в долину спустимся, и там до господского дома часа четыре будет.

Ого, это мы уже в темноте приедем? Ладно, главное уже — доехать. А долина вся моя или ещё там поместья есть?

— Лима, а долина вся принадлежит поместью или там ещё другие соседи есть?

— Да вся долина ваша, только в самом дальнем конце кусочек небольшой соседу принадлежит. У него дом—то дальше, наверху стоит, а здесь только одно поле. Да я и не знаю, кто там сейчас хозяйствует. Там тоже старый барон был, помер давно уже, сыновей у него не было, дочка одна вроде была. Не знаю я.

Так за разговорами подъехали к положому спуску в долину. С высоты невысокого плато долина была хорошо видна. Есть приличный кусок леса, три небольших деревушки, пустые пока поля. По краю долины, вдоль невысоких холмов текла река, довольно большая. Камено-

ломню не вижу, но Лимка сказала, что она в дальнем конце долины. Хорошо видны были сады вокруг деревушек.

Поместье виднелось за второй деревней, отсюда были видны лишь крыша основного здания и небольшое озеро рядом. Посмотрели? Поехали! А то уже от постоянной тряски в голове стоит равномерный шум, болят бока от ушибов и нижние девяносто уже стремятся принять форму сиденья кареты.

К дому подъезжали уже в сгущающихся сумерках. Кованая ограда смутно виднелась в темноте, ворота были закрыты, но охранники нашли, как их можно отпереть, размотав цепи на воротах. Заехав вовнутрь ограды, поехали по подъездной дороге, ориентируясь на мерцающий фонарь на здании. Разросшиеся кусты вдоль дорожки неприятно скребли по стенкам кареты. Наконец подъехали к широкому крыльцу дома.

Над входными дверями скудно горел фонарь, в самом доме светились пара окон на втором этаже и одно окно рядом с входной дверью на первом. А нас никто не встречал! Вот от слова совсем!

Я уже, плюнув на этикет и правила приличия, сама открыла дверь кареты и, неловко оступаясь на затекших от долгого сидения ногах, вышла из кареты. Охранники тоже спешили, стояли рядом со мной, кучер индифферентно сидел на козлах. Следом за мной из кареты вылезала Лимка. Внезапно двери дома распахнулись и из них показались две фигуры. Послышался гневный голос:

— И чтобы ноги твоей не было! И денег никаких не получишь! Работать не хотите, как следует, а чтобы платили вам, требуете! Не прислал хозяин денег! Вон из поместья и не показывайся мне на глаза!

Плачущий голос второй женщины виновато забормотал.

— Ну, так как же я одна всё успею, вы же всех слуг выгнали, только служанка ваша да кухарка ваша и остались. Да и как мы без денег жить можем! А вы говорите, что хозяин денег не даёт для нас, вот я и спросила вас, уж простите меня, да никак не прожить, без денег—то.

Я не выдержала.

— Что тут происходит?

Вышедшая следом за мной Лимка, ахнула:

— Мамка! — и бросилась к женщине на крыльце с небольшим узелком в руках.

Я двинулась к крыльцу, охранники шли следом за мной, видимо, чуя неприятности. Скандалящая женщина развернулась к нам и неприязненно произнесла:

— А вы—то кто такие? Вам какое дело и что тут нужно?

С хамками мне общаться не первый раз приходилось, поэтому я даже не замедлила шаг, только чуть приподняла юбку платья, шагая по ступеням широкого крыльца.

— А мне такое дело, что я хозяйка этого поместья и не поняла, что тут за скандалы и почему никто не встречает нас? Даже ворота некому открыть?

Скандалистка подбоченилась и громко заявила:

— Ещё чего! У нас хозяин, а не хозяйка! И нечего тут всяким делать! Уезжайте себе!

Дальше орать она уже не смогла.

Я поднялась на крыльцо, рядом со мной шли два дюжих охранника. Подойдя к хамке, я взглянула на нее и остолбенела ненадолго. Скандалила со мной лэрина Зелина!

Быть не может! Не на метле же она сюда прилетела, да и про порталы здесь я не слышала. Так что если я не сошла с ума и у меня не глюки, то какая—то родственница нашей мымыры. Посему морду кирпичом и вперёд, владеть!

Тетка пыталась встать грудью на защиту вверенной ей двери, но не тут—то было — один из моих охранников просто и непринужденно переставил мадам на другое место в сторонку от двери. Я двинулась внутрь, сказав Лимке, чтобы она помогла тётушке Малии и свою мать завела в дом. Мымыра номер два замерла от такого поворота дел и стояла, выпучив глаза и

бессильно шамкая что—то про себя, то есть невербально общаясь сам на сам. Эк разобрало, болезную! Лишь бы Кондратий не обнял, возись потом с insultницей.

Вошли всей компанией в скудно освещенный холл. Было бедненько, но чисто. Имевшаяся мебель была закрыта чехлами, паркет натерт, но ковров не видно. Не было при старом хозяине или убрали сейчас? Зашедшая следом за нами экономка (а кем она ещё может тут быть?) опомнилась, и попробовала было качать права.

— А откуда вы это взяли "хозяйка"? Может, вы обманом хотите влезть в чужой дом?

Чтобы прекратить этот бессмысленный спор, я просто достала из своего ридикюля документ, заверенный поверенным, где ясно было указано, что хозяин поместья передает поместье "Белая долина" в полное управление, с правом заключения сделок своей дочери Маринелле. И что я являюсь полноправной хозяйкой. Вариантов сопротивления тут не предполагалось.

Тетка забормотала:

— Ну, раз так, а почему тогда мне ничего не написали?

Я нехорошо прищурилась.

— Кто вам должен написать? Лэр Нессир? Чести, не многовато ли для вас?

— Зелина должна была написать, она обещала — тетка уже окончательно растерялась и вряд ли была способна сейчас связно мыслить. Я тоже слишком устала, чтобы бессмысленно препираться, надо было устраиваться в доме. Ночь на дворе.

— Лима, сбегай, скажи кучеру, пусть лошадок в конюшню ведёт, потом сам в дом заходит, и вещи из кареты заносите. Мальчики помогут.

Я вежливо улыбнулась охранникам. Они кивнули в ответ. Их коней тоже надо было устроить на ночлег.

Я обратилась к матери Лимы:

— Простите, как вас зовут?

Бедная женщина совсем растерялась, хотя до этого стояла тихонько в углу у дверей.

— Так Талка я.

— Тетушка Талия, вы ведь весь дом знаете? — дождавшись неуверенного кивка, продолжила — Тогда будьте добры, надо определить на отдых моих сопровождающих и показать комнату для проживания нашей кухарке тётушке Малии. Лима сейчас придет, проводит меня в хозяйские покои.

— Так там... — Талия осеклась, испуганно глядя на экономку.

Я все поняла и, повернувшись к хамке, произнесла:

— Сейчас же собрала свои вещи и ушла из моих комнат! Где там твоя служанка? Пусть убирается в комнатах. Лима придет, проверит.

Все, я выдохлась. Присела на закрытый чехлом диванчик прямо в холле, вытянула ноги. Хотелось есть, помыться и спать. И именно в таком порядке. Но надо подождать Лимку и ее мать, пусть расскажут, что тут происходит. Вначале прискакала Лимка, следом мужчины затащили в холл наши сундуки. Я предложила им присесть в холле, объяснив, что сейчас придет Талия и отведет их в комнаты отдохнуть. Лимку отправила посмотреть, как собирается экономка и проследить за уборкой в спальне и сменой белья.

Лимка пошла на второй этаж, парни подхватили наш багаж и пошли следом за ней. Из коридора левого крыла вышла Талия, за ней шла Малия.

— Талия, вы показали комнату нашей кухарке? Хорошо, а сопровождающим нашли место отдохнуть? Нашли? Замечательно. Тогда скажите, а где все слуги из дома?

— Так лэрина Гарина уволила всех. Сказала, что нет денег платить им, хозяин не даёт. Вот все в селе теперь.

Ясно, по документам, деньги на содержание поместья отец отправлял ежемесячно. И не думаю, что отец обманывал. Значит, что? Ворovala экономка! Управляющего тут уж пару лет как нет.

— Талия, не могли бы утром пригласить всех слуг в поместье? Думаю, мы найдем общий язык с ними и решим проблему. А пока, покажите нашей тётушке Малии кухню, мы все очень голодны.

Талия обрадованно закивала головой и позвала за собой кухарку. Охранники спустились со второго этажа, подошли ко мне.

— Парни, тут такое дело, похоже, экономка нынешняя воровала деньги из казны поместья и совсем не малые суммы. Надо бы приглядеть за ней, чтобы не удрала с деньгами.

Охранники понятиливо переглянулись и решили, что один сейчас устраивается в их комнате, а второй пока присматривает за экономкой. Потом меняются. Вот и славно. А деньги мы прямо с утра и поищем. Вместе с экономкой. И лучше бы ей их найти. Талия вновь пришла ко мне.

— Лэрина, вам ужин накрывать в столовой или вы у себя в комнатах будете?

— Я буду на кухне, там хотя бы тепло.

В доме действительно было прохладно. Поэтому я сидела, по—прежнему не снимая пальто. Заметив удивление на лице служанки, усмехнулась:

— Не переживайте, Талия, для меня в этом нет ничего особенного и Малия об этом знает.

Я прошла на кухню, там действительно было теплее. Сняла пальто, повесила его на крючок в стене у двери. Моя повариха возилась у плиты, что—то сердито бурча себе под нос. Обернувшись, Малия увидела меня и хлопотала:

— Садитесь, садитесь, лэрина, сейчас готово всё будет. Горяченького покушаете, а то все дни сухомяткой. А тут еще так встречают, изверги!

И Малия сурово погрозила в потолок кулаком. О чем это она? Что тут ещё нового плохого? Я и озвучила свой вопрос:

— Так представьте, лэрина, прихожу я на кухню, а тут эта проныра крутится, я ей говорю, что лэрине хозяйке ужин надобен, а она мне заявляет, что мол, хозяйка уже поужинала и она сюда никого не пустит и продукты не даст. Ну, так я ей показала, кто теперь хозяйка и ключи от кладовых отобрала. Вот чуток и задержалась с ужином. Но сейчас все будет, не переживайте.

Я перевела мало что понимающий взгляд на Талию. Та пояснила:

— Так это кухарка лэрины Гарины была. Она ей готовит, и ключи от кладовых с продуктами только у нее. Еще горничная у лэрины тоже своя. Гордые, ни с кем не разговаривают. А всех старых слуг лэрина Гарина уволила. И денег не заплатила...

Ясно, свои приближенные, а всех лишних выгнала, чтобы не платить, а что будет с домом, поместьем — ее не волнует.

— Талия, а холодно—то так чего в доме? Вроде лес в долине есть, сушняк для дров должно хватать?

— Так есть дрова, но лэрина Гарина велела топить в ее комнатах, ой, ну то есть, в хозяйских. А в других сказала нечего никому делать.

Ну да, а то, что в нетопленых помещениях тут же заведется сырость и плесень, испортятся вещи, обои — это неважно, не свое же. В кухню залетела Лимка и с ходу затараторила:

— Лэрина Маринелла, экономка ушла из ваших покоев. Я смотрела, чтобы она чего лишнего не взяла и охранник тоже следил. Я пыль вытерла, белье поменяла. В комнатах тепло, можно сейчас не топить. А внизу холодно, да. А ужинать будем? А мамке можно домой сегодня? Она завтра придет утром.

Ой, как много и сразу... но, зная Лимку, лучше сразу ответить.

— Да, Лима, ужинать будем, сейчас, накрывайте вместе с мамой на стол в кухне. Охранники поедят по очереди. Сейчас мужчины принесут дров и затопят печи внизу, чтобы вам тепло ночевать было. Мама твоя тоже поужинает и пойдет домой. Утром придет вместе с твоим отцом и другими слугами. Ты, если хочешь, можешь тоже домой идти. Не хочешь — ночуй здесь.

Так и сделали. Кучер и второй охранник принесли две здоровых охапки дров, затопили печи в крыле для слуг. На сегодня хватит, а завтра разберемся. Поужинали, и Талия ушла домой в село. Лимка осталась со мной в поместье. Охранники тщательно обошли и осмотрели весь дом, закрыли на ключи все двери, осмотрели окна.

Экономку и ее служанок заперли на ключ в их комнатах. До утра они никуда не денутся. Едва волоча ноги от усталости и зевая совсем неблагородно, во весь рот, поднялась по лестнице в свои новые покои. Сзади топала Лимка с лампой и моим пальто в руках. Новое жилье даже толком не стала смотреть, слишком устала. Мне сейчас бы раздеться, кое—как помыться и спать. Все вопросы завтра.

Глава 9

Волшебство! Разве это возможно?
Волшебство — где оно может быть?
И поверить в него очень сложно.
И без веры в него трудно жить.
Волшебство к нам приходит оттуда,
Где прекрасные замки стоят.
Волшебство — это светлое чудо,
То, что добрые люди творят!

Уснула я уже на подлёте к подушке. Даже не помню, снилось мне что—нибудь или нет. Спала я, вдруг просыпаюсь, а вокруг то ли кабинет какой—то, то ли моя новая спальня, даже не могу сказать. Кровать и комод у стены вроде я видела, а кресло и стол офисный нет. И сама я сижу на кровати в ночнушке, поджав босые стопы ног от холода, идущего от пола. В кресле, за столом сидит женщина неопределенного возраста в строгом деловом костюме, в очках. Мы молча разглядываем друг друга, я — очумело, она — с любопытством. Наконец, женщина начинает говорить, но как—то странно — я вижу, что губы у нее шевелятся, а голос ее раздается у меня в голове:

— Ну, здравствуй, Марина! Вот ты какая теперь!

Я молча таращу глаза, не знаю что сказать, ну не банальное же "Здравствуйте!" в ответ, и постепенно прихожу к мысли, что все это глюки от переутомления.

Невеселая улыбка трогает губы женщины, и опять слышу голос:

— Нет, Марина, не глюки. Мне очень жаль, но ты не прожила свой цикл, какой должна была, не твоя судьба тебе досталась. Единственное, чем могла тебе помочь — так дать шанс прожить эту жизнь, как ты хочешь, а не так, как тебя несёт потоком. Не переживай по этой девочке, бывшей хозяйке тела, она сама, по своему капризу, прекратила свою жизнь. Память ее тебе не стала оставлять, нет там ничего полезного или нужного для тебя. Но за это совсем малое время, смотрю, ты и сама неплохо сумела разобраться в ситуации и даже переломить в свою пользу. А теперь, главное. Я знаю, ты читала, да и не веришь в непонятное, все вы, земляне, такие, не верящие — женщина вздохнула — но я тебе скажу точно — магия существует. Иначе, сама подумай, каким бы ты образом могла попасть в чужое тело и сохранить свою собственную личность? Магия есть, только в этом мире про нее забыли давно, ведь, по сути, магия — это вера. Вот поверишь, что она у тебя есть, магия и проявится. А здесь давно никто не верит. Может, пора возрождать? А с тобой конкретно вот — ты любишь природу, труд на земле, сама работаешь тяжело и много, и других заставляешь не лениться. Так вот тебе в награду — природная магия. Сама постепенно поймёшь, какая тебе в том или ином случае нужна будет. Главное, ты верь, что магия у тебя есть. А чтобы ты тренировалась и развивала ее, вот тебе роза. Здесь она не растет, в этом мире. Пытайся заставить этот срезанный цветок дать корни, расти, цвести. И чем выше будет у тебя уровень магии, тем пышнее будет цвести твоя роза.

И действительно, на столе перед женщиной появился небольшой срезанный стебель розы с нераскрытым бутонem.

- А теперь прощай, Марина. Все, что могла, я для тебя сделала. А как тыстроишь эту свою жизнь — будет зависеть только от тебя.

И моя визави стала медленно тускнеть и исчезать, как плохая голограмма на экране.

Пока совсем не пропала, вместе со столом и креслом. Я ещё просидела немного, пожалала плечами, повернулась и опять легла в кровать. Последняя четкая мысль была: "Приснится же всякая фантастика от усталости... все, спать, завтра будет день".

Особняк графа Ламир.

Иртэн Ламир, барон Шефир, вошёл в семейный особняк, бросил приблизившемуся слуге свой модный ныне редингот, сказал, не глядя на него:

— Меня нет ни для кого — и только хотел быстро удалиться (хотя чего там — сбежать!) в свои комнаты, как слуга бесстрастно, глядя в пространство перед собой, произнес:

— Граф Ламир велели, чтобы вы сразу, как придёте, шли к нему в кабинет.

— Берти, старина — заискивающе сразу начал Иртэн — может, меня ещё нет? Или ты меня не видел?

— Боюсь, лорд Иртэн, не выйдет. Вы слишком громко кричали на извозчика у крыльца. А окна кабинета графа как раз выходят на улицу. Граф вас уже видел.

Ну, попытка была неудачной. Придется идти к батюшке для выноса мозга. Хотя сейчас это было вовсе не ко времени. После четырехдневного веселого путешествия по борделям, ночным клубам столицы с теплой компанией таких же великосветских повес, как он сам, сейчас хотелось больше всего принять ванну, выпить чаю и залечь спать на сутки. Но батюшка уж слишком грозен последнее время. Придется идти.

— Ну, что, доштался по борделям со своими дружками? А невеста—то сбежала!

Граф Ламир был разгневан не на шутку. Даже лысина покраснела от гнева. Он выскочил из—за стола, за которым сидел до прихода младшего непутящего сына, торопливо заходил по кабинету. Если честно, забегал в сильнейшем раздражении. Граф обзавелся наследниками в достаточно зрелом возрасте и сейчас был уже немолод, плешив, а в сочетании с небольшим ростом и некоей суетливостью, был бы смешон, но поскольку он крепко держал в руках небольшие финансы семьи, с ним приходилось считаться.

Впрочем, старший сын, виконт Монтиль, был внешне молодой копией батюшки, только без лысины. Виконт был спокоен, рассудителен, хозяйственен. Ничего из вышеперечисленного не досталось младшему сыну — ни внешности, ни характера, ни добродетелей. Внешне Иртэн удался в матушкиного отца, своего деда — высокий, с широким разворотом плеч, густые, волнистые темно—русые волосы лежали красивой волной, небесно—голубые глаза смотрели то дерзко (на мужчин), то с томной поволокой (на женщин).

Баронский титул перешёл к Иртэну тоже от деда, вместе с небольшим поместьем у черта на куличках. Иртэн и не был там ни разу, отчёты управляющего приходили батюшке, и ладно. В общем, Иртэн был светский гуляка, повеса и незавидный жених. Смышлёные мамы с дочками на выданье строго—настрога наказывали своим дочерям даже не смотреть лукавыми глазками в сторону барона Шефира. А все дело в том, что состояние семьи Ламир стремительно ухудшалось.

Рискованные операции ещё деда нынешнего графа привели к долгам, по которым расплачивался отец графа, и также оставил своему сыну непогашенные долги и закладные. Хотя нынешний граф Ламир был экономен и прижимист, но почти все получаемые доходы уходили на погашение задолженности. Средств для реставрации дома и самого графства почти не оставалось.

Граф Ламир считал, что ему повезло, что покойная супруга не подарила ему дочерей, не надо собирать им приданое, а сыновей можно выгодно женить. Старший сын спокойно принял новость о необходимости жениться, и невесту выбрали подходящую — тоже дочь графа из провинции, нельзя сказать, что юна и красавица, но спокойная, милая девушка, а самое главное — за ней давали неплохое приданое.

Сейчас счастливый жених был в наследуемом поместье графов Ламир, занимался ремонтом дома, сельхозработами. Впрочем, он почти всегда был в поместье, светская жизнь его не привлекала. Другое дело — младший сын. Аристократок для него не нашлось. И тут графу подвернулся просто шикарный вариант — один из неприлично богатых купцов Нессир решил выдать свою единственную дочь замуж за аристократа.

Граф, когда услышал про это, даже не раздумывал — его устраивало абсолютно все! И плевать, что девица избалована, капризна и вздорна! Справляться с этим придется ее мужу, а не графу! Тем более, сам жених тоже не сахар с медом. Он даже успел подписать брачный договор, но тут внезапно заболела девица, говорили даже, что при смерти она.

От расстройства граф даже не интересовался какое—то время состоянием невесты, а когда поинтересовался, оказалось, что девица не только выздоровела, но и решительно отказалась от замужества и сбежала из столицы в какую—то деревню! Граф был искренне огорчен. Девице за это время исполнилось двадцать лет и по воле батюшки ее теперь замуж не выдашь. Надо только обхаживать и охмурять. Граф предпочитал называть вещи своими именами.

А охмуритель шатается невесть где, со своими дружками никчемушными. Вот, вот как теперь к этой девице подобраться? А если в той деревне соседи тоже шустрые? Окрутят махом девку! Хорошо хоть, удалось узнать, где та самая деревня. И тут повезло. Оказывается, купец купил разоренное поместье соседа покойного тестя графа, теперь девица соседствует с баронством младшего сына. Вот пусть и едет туда и как хочет, но чтобы женился на богатой невесте!

Все это было озвучено и вывалено на бедную, больную с похмелья голову Иртэна. И чтобы прекратить нудное зудение и причитания батюшки, он был согласен на что угодно, лишь бы его оставили в покое. Он так и сказал. После чего его отправили спать, заодно выдав приличный бокал арманьяка из графских запасов.

На самом деле, граф вынашивал коварный план. Отлично зная непокорный характер сына, граф понимал, что после протрезвления и осознания Иртэн закатит грандиозный скандал, отголоски которого вполне могут докатиться и до отца невесты, и тот может оскорбиться и передумать. Поэтому решил ковать железо, пока горячо. Пока сын пребывает в похмельной нирване, слуги быстро собирают его вещи, грузят самого полупьяного барона в карету и отвозят в поместье. А там пусть бунтует.

План был хорош, и любящий отец быстро привел его в жизнь. В качестве наркотизирующего средства на руки его слуге была выдана та же бутылка арманьяка, с наказом применять при прояснении сознания до приезда в поместье.

Белая долина

Проснулась я по привычке рано, но все равно ещё преследовало чувство разбитости, не такое, как вечером, но, тем не менее, имелось. Вставать решительно не хотелось, за ночь в комнате изрядно выстыло, не зима, но и не летнее утро. Не вылезая из—под одеяла, я осматривала вверенную мне жилплощадь. После смены нескольких временных жильцов после прежнего хозяина, трудно что—то сказать конкретное об этом помещении, даже мужское или женское это пространство.

Темные портьеры, балдахин—пылесборник над головой. Голый пол из светлой доски. Интересно, он всегда был голый или ковер к "югу ушел"? Комод с бельем у стены, небольшое кресло рядом. Понадежнее, чем мое "креселко" из отчего дома, конечно, но не вольтеровское. По другую сторону кровати стоит шкаф, за ней почти незаметная, стыдливая дверца — удобства, вероятно. Вчера настолько устала, да ещё столь "теплый прием" от мымы номер два — все это выбило из колеи настолько, что я все процедуры перенесла на утро.

Да даже туалетного столика с захудалым зеркальцем нетути, где б красу девичью узреть. Что—то я нервически иронизирую с утра, верный показатель, что пытаюсь оттянуть нечто неизбежное и неприятное.

Ладно, решительно спускаю ноги с кровати, поворачиваюсь к изголовью, чтобы дёрнуть за сонетку и вызывать Лимку. Ведь даже не знаю, где мои вещи разгрузили, найти бы собственные труселя и замираю с поднятой рукой.

— А если? — сомневалось подсознание. анная роза с нераскрывшимся бутонем нежно— лососевого оттенка. И сразу вспомнился сон. "Да ну на фиг, этого не может быть" — убеждало меня сознание. "А если?" — сомневалось подсознание.

Рассердившись сама на себя за неуверенность, протянула руку, дернула за сонетку и взяла цветок в руки. Цветок был настоящий, живой, с тёплыми, бархатистыми лепестками бутона. Мне стало жалко такую красоту. Срезали, погибнет ведь. Невольно сжала стебель цветка в ладони, и вскрикнула — укололась шипом. По детской привычке сунула уколотый палец в рот, продолжая рассматривать розу.

Что там мне снилось? Верь, и магия проявится? Вот если бы это было так, что я бы пожелала для этого цветка? Дама во сне говорила, что в этом мире розы не существуют. Хотела бы я, чтобы здесь росли розы? Хотела! Может и правда, пожелать, чтобы срезанный стебель укоренился и прижился? А попробую! Втайне посмеиваясь сама над собой, я погладила цветок рукой, зажмурила глаза и сильно сильно пожелала этого. Шепотом. И вернула на тумбочку.

Лимка, коротко стукнув в дверь, влетела ко мне в спальню и с ходу затараторила:

— Ой, лэрина Маринелла, вы уже встали? Доброго утречка вам! Да вы сидите, сидите, пол леденючий уже. Я вот тапочки вам сейчас найду и шалку поверх капотика—то накиньте, а я уж потом все найду.

Успевая трещать и вытаскивать из недр шкафа мои сундуки, Лимка шустро извлекла на свет божий и теплые тапочки, и знаменитую "шалку". Укутанная как кочан капусты, я прошествовала к "удобствам", а Лимка понеслась за теплой водой для умывания. Все—таки напрягает меня такой быт — отсутствие канализации, хотя бы и местной, необходимость носить воду. Удобрства располагались в небольшой угловой комнатке. Я подошла к окну, посмотрела вниз из окна.

Второй этаж, не слишком высокий. Внизу просто пустой участок земли с небольшим уклоном в сторону ограды хоздвора. Прямо перед домом — сад. Деревья с голыми ветвями, разросшиеся кусты. Здесь явно нужен садовник. Надо найти, если был, старого, если не было — нанимать нового. Сад должен не только украшать дом, но и приносить доход. Тут на этой мысли ворвалась Лимка с ведром теплой воды. И вот тоже проблема. И все требует решения.

Собрав себя и материально — платье и прочее, и морально — с духом, спустилась на первый этаж. В кухне хлопотала Малия, охранники ходили, проверяли все двери, окна, заносили дрова для отопления. Кучер зашёл со двора, сказал, что обиходил своих лошадок и заодно ещё троих здешних, не стоять же им некормленными—непоеными. Я ахнула.

Это что же, эта идиотка настолько ничего не понимает в хозяйстве, что выгнала даже конюха, оставив умирать животных голодной смертью? Не сама же она со своими служанками кормить их собиралась? Ну, гадина, да за одно это ее выпороть мало! Не думала я никогда, что во мне Салтычиха дремлет, но сейчас почувствовала ее прямо любимой тёткой.

Помялась, неудобно всё—таки, по факту, это не мои слуги, папеньки, спросила:

— Простите, а вы когда должны назад возвращаться?

И сама затихла, страшась ответа, что сейчас скажут.

Кучер ответил:

— Ну, так, вот отдохнут лошадки пару дней, и поеду.

Охранники переглянулись, и тот, который чуть постарше, с шикарными усами, прогудел низким голосом:

— Лэрина, так ваш отец нанял нас, сказал, пока мы лэрине нужны будем, так и оставаться с ней. А как уже и не будет надобности, чтобы к нему возвращались. А жалованье он нам сам платит. На мелочи нам через почту присылать будет, а основное в банк идёт.

Я с облегчением выдохнула, повеселела. Все не одной с Малией да Лимкой тут воевать. Чуть не подпрыгивая от энтузиазма, позвала всех в кухню завтракать. Столовую ещё надо смотреть и приводить в порядок. А на кухне пока теплее. На кухне сразу объявила охранникам, что они мне очень—очень нужны и если сами не хотят уезжать, то остаются пока что в поместье. Они согласились и наконец, я узнала их имена.

Усатого звали Милаш, а который помоложе, тот Тарин. Вот и познакомились. После завтрака Милаш пошел проводить наших узниц поест и привести себя в порядок. В крыле слуг помывочная и туалеты были одни на их крыло. Тарин пошел выбирать комнаты себе и Милашу для постоянного проживания и забирать их вещи. А меня уже ждали другие заботы — в окно кухни я видела подходившую к дому небольшую вереницу слуг. Пойду руководить и властвовать.

Все собрались в холле, там с мебели шустрая Лимка уже успела убрать чехлы, хоть присесть можно. Люди опасливо, на всякий случай, стояли у самой двери, настороженно оглядываясь. Я увидела среди пришедших мать Лимы, Талию, махнула ей рукой, подзывая.

— Талия, Лима говорила, что вы командовали слугами по дому, так? — дождавшись согласного кивка, продолжила — Тогда вы сами знаете всех домашних слуг, берите их и приступайте к работе. Сразу должна сказать, что по кухне, закупу продуктов старшая — моя кухарка Малия. Если вашу здешнюю кухарку такое устраивает — с удовольствием приму ее на работу. Далее. Талия, ваш муж конюхом тут был?

Из небольшой толпы отделился крепкий, плечистый мужчина средних лет, поклонился.

— Вот и хорошо, можете идти на конюшню, животные ухода требуют. Утром наш кучер покормил лошадей, но уход все равно нужен.

Мужчина неуверенно проговорил:

— Простите, лэрина Маринелла, я там не один работал, нас там трое было. Можно им тоже на работу?

— Да, конечно. Да, вот ещё что. По жалованью. Как только разберусь по всем бумагам, я выплачу вам всю задолженность. А пока можете взять авансом небольшую сумму в счёт жалованья. Подойдете к Талии и запишите, кому сколько надо. До вечера мы все обсудим и выдадим деньги. Это касается всех. Скотники тоже здесь есть? Тоже на свои рабочие места, потом я обязательно ко всем зайду и все увижу сама. Талия, служанок по дому для домашней работы распределите сами.

Нашелся и садовник — худой пожилой мужчина со своим помощником — мальчишкой лет четырнадцати—пятнадцати, тоже весьма худощавым. Талия тихонько шептала, что старик совсем бедствовал, пожилого уже никто не хотел брать на работу, а больше у них, кроме старика и внука, никого нет. Уже собирались милостыню просить. Я понимающе покивала головой, надо обязательно дать ему аванс и немного продуктов, и сейчас покормить. Передала мое распоряжение Лимке, она шустро поволокла старика и пацана на кухню. Был ещё кузнец, шорник, пара подсобных рабочих.

Все нужные в поместье люди. Про пасечника Лимка говорила, помню, надо срочно искать. Полевых рабочих не было. Кто пока что сидел по домам, кто подался к рыбакам. Тоже надо всех увидеть, поговорить. А пока все пошли по своим местам, оглядываясь на меня и тихо переговариваясь.

Глава 10

Идет мужик по базару и выбирает петуха.
Смотрит одного — вялый, другой — вообще импотент.
А тут стоит грузин и продает петуха.
Не петух, а зверь в человеческий рост.
Мужик спрашивает: — Ну что, твой петух кур топчет?
Абэжаешь, дарагой. Курь топчет, авэц топчет, каров топчет.
А вчэра, слюшай, так на мэня посмотрел!
Даром забэрай!

Поместье Зеленые Холмы

Солнце светило даже через сомкнутые веки, надо бы отвернуться, но сил не было. Кто —то орал громко и противно что—то неопознанное. Странные шумы доносились до Иртэна, как будто его кровать какой—то тупой шутник вынес в сад возле родительского особняка. В голове поселился злостный птиц, который больно тюкал его при малейшей попытке не то, чтобы пошевелиться, а даже при попытке шевельнуть мыслью. Посему Иртэн предпочитал лежать, не шевелясь ни единым мускулом и неглубоко дыша. Вкусовые ощущения во рту соответствовали ночёвке эскадрона кавалеристов, причем вместе с сапогами и конями. Вместе с тем ощущение какой—то неправильности происходящего усиливалось вместе с голосами за окном.

И вдруг, посреди наступившей блаженной тишины, послышалось громкое хлопанье крыльев какой—то крупной птицы. Прямо над ухом раздался ужасно громкий, истошный вопль такой силы, что былую недвижимость Иртэна как рукой сняло. Звуковой волной его просто подбросило на кровати, смело с нее и поставило по стойке смирно возле. Иртэн вытаращил глаза и ничего не мог понять. На подоконнике открытого окна (третий этаж, между прочим) стоял неведомый птиц. С разноцветным оперением, шикарным хвостом и поглядывал на Иртэна одним глазом, и с явно не мирным намерением.

Дрожащим голосом, чувствуя, как от пережитого ужаса и от общей слабости трясутся ноги, Иртэн неуверенно сказал захватчику: "КЫШ"!

На что наглец, захлопав крыльями и запрокинув голову, опять заорал свое жуткое: "Ку-ка-реку"!!!

Иртэн зажмурил от головной боли глаза и слабо махнул рукой в сторону окна. Птиц, оставшись непобежденным, злорадно захлопал крыльями и сиганул куда—то вниз. Выждав для верности пару минут, Иртэн подошёл к открытому окну, посмотрел и...

От пронзительного вопля в спальню барона влетели сразу — личный лакей барона Бертен, старичок, ещё какой—то парень, растрёпанная служанка с тряпкой в руках и чопорная дама в строгом платье с глухим воротом.

Увидев среди кучи незнакомых лиц хоть одно знакомое, Иртэн обратился к нему, стараясь унять истерично—визгливые нотки в голосе:

— Берти, какого нечистого здесь происходит? Что это вокруг? Где я? И что это тут орало?

Пока все пытались уяснить себе суть вопросов, вперёд высунулась та самая служанка с тряпкой в руках.

— Ой, лорд Иртэн, так это кочет наш, опять, паразит, удрал из птичника! Любит он залететь повыше и ну глотку драть! А у вас окошечко—то, стало быть, открытое было, чтобы вас свежим ветерком обдувало, вот он и залетел и покричал, стало быть.

От треска служанки стрельба в голове возобновилась с новой, даже с ещё удвоенной силой.

— Молчать!!! — просипел сорванным от предыдущего вопля голосом Иртэн и обессиленно плюхнулся на кровать, только сейчас сообразив, что сверкает тут обнаженной пятой точкой перед всеми.

Правда, строгая дама, сразу отвернувшись, мужчины стыдливо отвели глаза, а служанка, не обращая внимание на всеобщее смущение, пыталась донести до молодого господина ещё какие—то сведения.

— Все вон! Берти, ты останься.

Иртэн мог пока только сипеть. Сорвал голос от предыдущего вопля. От страха и непонимания ситуации в целом голос не хотел слушаться хозяина. Поэтому Иртэн просто махнул рукой, выгоняя всех прочь.

Присутствующие, кроме слуги удалились, лишь Бертен с невозмутимым лицом прошел к шкафу и начал доставать свежее белье для своего хозяина.

— Что происходит, Берти? Где мы находимся? Это отец что—то задумал?

Вопросы сыпались, как из прохудившегося мешка мука.

Подавая господину белье, слуга ответил:

— Лорд Иртэн, сейчас мы находимся в вашем поместье Зелёные холмы. Сюда мы были ещё вчера, в карете вашего батюшки. Вы изволили спать всю дорогу и запомнили. Сейчас утро и вы находитесь у себя в спальне. Граф Ламир отправил с вами письмо, изволите сейчас прочитать или после завтрака?

Иртэн сидел в постели и по—прежнему мало что понимал. Какое его поместье? Деда, что ли? Это где—то у нечистого на рогах? Отец письмо написал? Что там написано?

— Берти, дай письмо!

— Письмо у вашего управляющего, изволите одеться или так управляющего примете?

Злобно бурча что—то нелестное про отца, его задумки, и вообще, где он видел эту жизнь пейзажную с их жуткими кочетами, которые по утрам к нему в спальню залетают, Иртэн всё—таки счёл нужным одеться. Заодно уяснил, почему птица к нему залетела — спальня здесь была на первом этаже. Это в городском особняке комнаты Иртэна были на третьем. То—то ему сквозь сон чудилась какая—то неправильность.

Когда он уже был одет и умыт, открылась дверь без стука и вошла давнишняя служанка, только сейчас без тряпки, зато с подносом в руках. А на нем стоял высокий стакан из варского стекла, наполненный чем—то мутным.

— Вот, ваша Милость, это кухарка вам отправила, сказала, что первейшее средство утром после гулянки. А уж вы вчера былиии, шибко гуляли, видать.

От этой болтушки опять вернулась головная боль, и задёргался почему—то глаз. Иртэн уже прикидывал, оправдают его в суде или нет, если он сейчас ее придушит? Девка, ничего не подозревая о возможной своей печальной кончине, поставила поднос на столик рядом с кроватью и совала ему в руки этот самый стакан. Пахло от него чем—то ужасно кислым. Они что, отравить его решили? Только Иртэн хотел кинуть этот стакан на пол, как его перехватил Бертен.

Пока Иртэн открывал рот, чтобы высказать свое возмущение происходящим и выгнать всех вон, хозяин он тут или нет, Бертен ловко успел залить содержимое стакана в рот господину. Господин заткнулся, рискуя захлебнуться. Наконец, отдышавшись, весь красный от гнева, решил прекратить весь этот фарс, как понял — а ему стало лучше!

Подумал и милостиво согласился прошествовать на завтрак в малую столовую.

Там его ждали у накрытого стола старичок—управляющий и тот самый молодой парень. Управляющий представился барону как лэр Геран, а молодой парень был представлен как внук управляющего, Тимей. Приступили к завтраку. Хотя обычно так рано Иртэн не завтракал, да и

слишком плотно, но сейчас вполне благосклонно отнесся и к каше со сливками, и к яичнице с беконом, запивая все горячим взваром. Почувствовав, наконец, гармонию в душе между собой и окружающим миром, Иртэн решил выйти погулять в сад. Все планы нарушил лэр Геран.

Поинтересовался, не соблаговолит господин барон принять письмо от графа Ламира и обсудить некоторые детали?

Решив, что лучше сейчас, чем оттягивать неизбежное, Иртэн соблаговолит и прошел в свой теперь уж кабинет вслед за управляющим. Там, усевшись в дедовское кресло, открыл поданное ему письмо и углубился в чтение. Мда, новостей было много и ни одной приятной. Смутно припоминалось, как скандалил с отцом в столице, потом вроде бы согласился, махнув рукой. Но только сейчас он точно узнал, на что он согласился. Мало того, что он согласился жениться на этой корове, купеческой дочери, так она ещё и умудрилась уехать в деревню, где ее влегкую могут охомутать местные женихи. И тогда огромное приданое проплывает мимо семьи Ламир.

Посему Иртэну следует пребывать в своем баронском имении, вести планомерную осаду богатой соседки, а дабы ему в голову не приходили непотребные мысли и не тянуло на вытворение различных глупостей, то вот ему задание — он должен будет учиться хозяйствовать в своем имении у своего управляющего. И слушаться лэра Герана он должен как самого графа Ламира.

А если ему, Иртэну, покажется все это слишком скучным или тяжёлым, то служба на дальней заставе на горной границе, возможно, покажется ему легче и веселее. Если Иртэн не забыл, то именно туда он приписан, как запасной офицер. И у батюшки хватит влияния, чтобы перевести его из запасных в действующие офицеры. Совсем уж дураком и лентяем Иртэн не был, посему угрозы батюшки принял абсолютно всерьез.

Да и, не смотря на все капризы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.